

АНДРЕЙ ТРОЦКИЙ
**60 СМЕРТЕЙ
В МИНУТУ**

Майор Девяткин

Андрей Троицкий

Шестьдесят смертей в минуту

«Андрей Троицкий»

2012

Троицкий А. Б.

Шестьдесят смертей в минуту / А. Б. Троицкий — «Андрей Троицкий», 2012 — (Майор Девяткин)

ISBN 978-5-699-55084-5

Он – человек-скала, человек-кремень. Его боготворят сослуживцы из убойного отдела МУРа и до ужаса боятся враги. Преступники уже давно не пытаются его подкупить – все равно взятку не возьмет, да еще и в порошок за это сотрет... Нет, он отнюдь не ангел, не идеальный полицейский. Частенько в работе с нарушителями закона он и сам применяет жесткие и не совсем законные меры. Но при этом он не ищет личной выгоды. В болоте коррупции и лжи он ставит перед собой одну-единственную цель: любой ценой докопаться до истины. Запомните это имя. Его зовут майор Юрий Девяткин... Московская полиция обнаруживает в машине американской бизнес-леди Джейн Майси труп неизвестного мужчины. А затем сама Джейн, улетев по коммерческим делам в Таджикистан, пропадает там без вести. Делом об убийстве мужчины занимается в Москве майор Девяткин, а на поиски Майси в Душанбе срочно вылетает адвокат Радченко. Эти люди пока не знакомы друг с другом и еще не знают, что ведут одно и то же дело и движутся они к одной точке, где жизнь и смерть сливаются воедино...

ISBN 978-5-699-55084-5

© Троицкий А. Б., 2012
© Андрей Троицкий, 2012

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	17
Глава четвертая	25
Глава пятая	32
Глава шестая	40
Глава седьмая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Андрей Троицкий

Шестьдесят смертей в минуту

Глава первая

Был ранний вечер, но над аэропортом Душанбе висело знойное марево, а ясное безоблачное небо обещало бесконечную душную ночь. И никаких приятных сюрпризов вроде дождика или прохладного ветерка. Видавший виды самолет «Як-40», зашел на посадку, быстро снизил высоту. С пугающим скрипом вышли стойки шасси, колеса коснулись бетона, самолет подпрыгнул, и вот его уже затрясло на взлетной полосе аэродрома.

Джейн Майси, подхватив спортивную сумку и небольшой чемодан, спустилась по трапу, глотнув горячего воздуха, надела темные очки и огляделась по сторонам. Вдалеке крошечное приземистое здание аэропорта, похожее на коробку из-под ботинок. Справа линию горизонта прочертили неровные вершины гор, слева летное поле упиралось в постройки с плоскими крышами, то ли склады, то ли ангары.

Пассажиры пересаживались в желтый автобус с помятыми боками. Джейн вытащила пакетик леденцов, когда мужчина восточного типа, проложив себе путь напрямик, через толпу пассажиров, толкавшихся возле автобуса, остановился в двух шагах от нее.

– Вы Джейн? – мужчина кричал, но его голос был почти не слышен за шумом винтов. – А я Рахат Садыков.

– Очень рада, – Джейн протянула руку и улыбнулась. – Приятно познакомиться.

– Я вас сразу узнал, – прокричал Рахат. – Потому что мне сказали: вы самая красивая женщина на этом рейсе. У вас только эта сумка и чемоданчик?

– Да, только это, – американка говорила по-русски быстро и почти без акцента.

Мужчина провел пальцем по узкой полоске усов, пригладил короткие темные волосы. На вид ему лет тридцать с небольшим, смуглая кожа, узкий разрез темных глаз. Разглядывая Джейн, он думал о том, что перед ним приятная женщина, симпатичная и чистенькая.

– Вы наша почетная гостья, – Садыков улыбнулся еще шире. – Скоро поймете, что такое восточное радушие. И гостеприимство. Да, скоро поймете...

Последние фразы оказались какими-то странными, двусмысленными. И Садыков решил не развивать дальше мысль о восточном гостеприимстве. К встрече иностранной гостьи он готовился тщательно. С американцами никогда не общался, и страсть как хотелось пустить заморской красавице пыль в глаза.

Неделю назад, узнав о приезде американки, Садыков завалился в дом Усмана, барыги, державшего палатку на вещевом рынке. Когда Усман отказался открывать дверь, Рахат просто выбил ее ногой. И сунул под нос торговца цветную картинку, вырезанную из журнала: высокий красавец в белом костюме стоит на берегу моря и любуется закатом. Садыков сказал хозяину палатки, чтобы тот хоть из-под земли достал такой же костюм, белый, на двух пуговицах, с накладными карманами и узкими лацканами.

Если костюма не будет, – Садыков сграбастал торговца за ворот халата, – поставил его на колени и вытащил пистолет ТТ. Так вот, костюма не будет, – Садыков вернется и перестреляет всю семью Усмана, а его самого повесит на скотном дворе. Угроза подействовала. Белый костюм и шелковую рубашку цвета морской волны достали в Бишкеке. Еще торговец принес летние туфли из плетеной кожи, купленные на толкучке в городе Навои.

Той же ночью Садыков пробрался в огород, выкопал банку из-под чая, набитую деньгами. А утром поехал в автосервис, который держал человек из влиятельного тейпа. Садыков

заплатил за срочную работу, и кузов «Волги» перекрасили в белый цвет. Да, что за мужчина без красивой машины...

– Минуточку, – Садыков завладел чемоданом и сумкой. – Вон там машина. Мне сказали, что вы другим рейсом прилетите. Там вас не было. Я стал ждать следующего самолета. Что, тяжелый перелет?

– Просто очень долгий, – ответил Джейн. – Позже все расскажу. Я рада, что наконец долетела. Очень рада.

Сейчас не хотелось вспоминать, как борт из Москвы приземлился в аэропорту Самары. Там пассажиры ждали посадки на рейс до Ашхабада не тридцать минут, как обещали, а четыре часа. И причину задержки никто не объяснил. Уже в Туркменистане была новая посадка и новая непредвиденная задержка с вылетом. На полу, на узлах и чемоданах, валялись люди, похожие на беженцев, застигнутых войной. В здании аэропорта болтались подозрительные мужчины в полосатых халатах и войлочных тапочках.

Наконец пассажиров разместили в салоне самолета «Як – 40», которому забронировано место в музее авиации. Каким-то чудом этот раритет дотянул до Душанбе, не свалившись в штопор.

Садыков направился к «Волге», неновой, но по здешним меркам вполне приличной. Хромированные бамперы блестели на солнце, под свежим слоем краски пятна ржавчины почти незаметны. Джейн устроилась на переднем сидении рядом с Рахатом, который рванул с места и понесся к дальнему краю взлетного поля.

Машина тормознула у глухого бетонного забора, перед железными воротами. Из будки вылезли трое военных, вооруженных автоматами. Старший по группе, офицер пограничник, глянул в лицо водителя и махнул рукой солдату. Загудел мотор, лязгнули цепи, раздвинулись створки ворот.

* * *

В ресторане «Сфера» майор милиции Юрий Девяткин ужинал пару раз в месяц. Здесь он назначал встречи осведомителям, потому что кабак имел некоторые преимущества перед подобными заведениями. Сюда всего двадцать минут езды от здания Главного управления внутренних дел Москвы. Здесь не один, а два служебных выхода в темный двор, – это на непредвиденный случай. Наконец, – и это главное, – в ресторане сносно кормили.

Девяткин устроился за тем же столиком у двери, где сидел всегда, быстро расправился с куриным салатом и куском говядины. Сдобрил это дело рюмкой водки, кружкой пива и, прикурив сигарету, кивнул человеку за дальним угловым столиком. Когда тот поднялся и вышел, Девяткин неторопливо докурил сигарету и отправился следом. Он свернул за угол, спустился вниз в служебное помещение, прошел коридором. Поднявшись вверх, толкнул железную дверь и оказался в темном дворе.

Гасли огни в окнах, вдалеке слышался шум улицы, Девяткин приземлился на скамейку рядом с плечистым мужчиной, одетым в приличный костюм. За версту видно, что у этого типа нет в жизни серьезных проблем ни с наличными, ни с женщинами. Нело портили глубокий шрам на подбородке и тюремная татуировка на кисти правой руки.

– Ну, Коля? – спросил Девяткин вместо приветствия. – Что хорошего расскажешь?

– Есть новости, – Коля вздохнул и задержал воздух в груди, будто готовился к долгому погружению в воду. – Информация непроверенная. Но Митрич решил... Решил, что лучше с вами встретиться и поболтать.

– Решаю тут я, – поправил Девяткин. – Ты рассказывай.

– Митрич хочет, ну, это вроде как просьба... Просит, чтобы ребятам дали поработать на площади у вокзала. Кавказцы все под себя подмяли, мы сидим без воздуха.

Коля помялся, он знал, что у Девяткина рука только с виду легкая, и на расправу он скорый. Чуть что не понравится, съездит по морде так, что враз с катушек слетишь. Коля ненавидел редкие встречи с Девяткиным. Последние пять лет он прожил за хозяином, воровским авторитетом Митричем. А хозяин всегда говорит, что надо дружить с ментами, иначе не дадут работать. И бремя этой дружбы возложил на своего помощника.

– Еще ничего не сказал, а уже авансы просишь.

После ужина майор был настроен добродушно. Он никуда не спешил, погода отличная, а завтра суббота. Тащиться на городскую окраину, в тесную холостяцкую квартиру, окна которой выходят на задний двор противотуберкулезного диспансера, как-то не хотелось. Тем более есть и другие варианты, более привлекательные. Можно, скажем, вернуться в ресторан за тот же столик, послушать музыку и пропить еще немного казенных денег.

– Короче, мы пробили героин, что вы прошлый раз дали. Тут такое дело. Партию эту взял некий Савелий. Всю целиком взял. Два кило или около того. Большую часть Савелий раскидал по сбытчикам, остатки продал своему приятелю. Фамилии его не знаю, только имя и кликан – Жора Тост.

В ладони Девяткина оказалась мятая бумажка.

– Тут пара адрес, где можно встретить Тоста. Это недалеко от Москвы. Там его любовница живет по фамилии Зенчук. Ну, по нашим данным, Тост там частенько зависает.

Девяткин повернул колесико зажигалки, прочитал адрес. И почесал затылок. Когда-то он помог определить некоего Тоста в колонию за разбой. Неужели тот самый? Черт его знает. Кажется, того Тоста пришили в тюрьме. Впрочем... Девяткин задумался на минуту. Сто раз такое случалось, когда живые оказывались мертвыми, и мертвецы, не к ночи будут помянуты, вставали из своих истлевших гробов. И, что интересно, жили полноценной человеческой жизнью. Даже выпивали по праздникам.

– Как насчет площади? Можно поработать? – спросил Коля.

– Если все то, что ты рассказал – правда... Ну, тогда завтра дам положительный ответ.

Девяткин поднялся и пропал в темноте. Через минуту он сел в машину, потыкал пальцем в кнопки телефона, набирая номер оперативника старшего лейтенанта Саши Лебедева, который сейчас дежурил в Управлении внутренних дел. Голос старлея оказался заспанным, видимо, пятничный вечер прошел без серьезных происшествий. Лебедев только вчера вернулся из Питера, с ведомственных соревнований по классической борьбе, где взял все призы и медали. Просил от дежурства освободить, но сейчас время отпусков, некому подменить старлея. Вот и пришлось ему впрягаться.

– Кто у тебя из оперов свободен? – спросил Девяткин. – Хорошо. Слушай адрес.

* * *

По шоссе «Волга», быстро долетела до города. И запетляла по пустынным узким улицам. Сквозь запыленную листву вечно зеленых кустов и деревьев проглядывал унылый пейзаж: крашенные известью глинобитные дома с узкими темными окнами, заборы, местами обвалившиеся, какие-то приземистые постройки, то ли сараи, то ли кошары для овец.

За время пути Рахад рассказал, что в гостинице «Айни», где заказан номер, накануне бандиты убили двух заготовителей из Куляба. Всю выручку за проданный скот выгребли и смыслись. Поэтому придется остановиться в небольшой гостинице «Баскунчак». Ковров и кондиционеров там нет, но люди живут солидные, степенные: снабженцы из глубинки, командировочные чиновники, а не всякая шпана. Питаться можно в закусочной «Курык», это через площадь первый переулок. Если верить слухам, тамошней стряпней еще никто не отравился насмерть. А небольшие проблемы с желудком – они у всех приезжих.

До конторы, где придется работать, и в поездках по городу Джейн будет сопровождать сам Садыков. Во избежание нездорового интереса и в целях безопасности, о том, что Джейн иностранка, лучше никому не говорить. Ни старику коридорному, ни кастелянше, что сидит у входа в гостиницу.

Душанбе не самое безопасное место на свете, гражданская война закончилась только на бумаге, в округе продолжают постреливать. Граница с Афганистаном вон она, рядом. В городе полно вооруженных ублюдков, готовых пустить кровь за дозу героина, хотя эта доза стоит не дороже кукурузной лепешки. Если Джейн захочет, Садыков без проблем найдет двух-трех парней, которые умеют обращаться с оружием. У номера Джейн поставят дежурного, а сопровождать ее в поездках по городу будет еще одна машина.

– Этого не требуется, – ответила Джейн. – Я рассчитала так: работа с бумагами – это два-три дня. Затем выезжаем на место, в поселок Измес. Продолжим работу там. Это еще два-три световых дня. На этом все. И я вылетаю обратно.

– На мой взгляд, нечего в Измесе осматривать, – ответил Садыков. – Пару лет назад хотели наладить производство по выделке кожи. Начали строительство. Подвели электричество. Но на том и бросили. Все, что люди смогли растащить, – растащили. Теперь там голые стены.

– Хочешь, не хочешь, а ехать надо, – вздохнула Джейн. – Мне платят деньги за экспертную оценку недвижимости. Если я буду сидеть в кабинетах и перебирать бумаги – потеряю работу.

– Как скажете, – легко согласился Садыков. – Если надо посмотреть тот дом без крыши – поедem и взглянем.

* * *

Он помог Джейн зарегистрироваться в гостинице, поговорил с консьержкой, малограмотной женщиной, плохо понимавшей по-русски. Показал номер, выходящий окном на задний двор. В комнате помещалась железная кровать, полированный стол, бельевой шкаф, пара стульев с прямыми деревянными спинками. И еще пожелтевший от времени холодильник, издававший странные звуки, напоминающие хрипы смертельно больного осла.

В углу железный рукомойник, под ним помойное ведро. На полу – пластиковая бутылка с мутной водой, это для умывания. Над кроватью в рамке под стеклом пылится репродукция картины, изображавшей то ли пустыню, то ли поле с пожелтевшей травой. Над полем вставало зловещее багровое солнце. Джейн спросила, нет ли в номере душа, но ее провожатый только головой покачал и распахнул низкую дверь. Посреди крошечной уборной стоял унитаз, сверху на длинном шнуре свисала груша лампочки.

– Туалет есть – и то хорошо, – сказал Садыков. – Туалеты только в номерах люкс. Для остальных постояльцев – удобства во дворе. А душ в конце коридора. Общий. Один на этаж. Воду дают по вечерам. Расписание подачи воды – на входной двери внизу. Перепишите в блокнотик.

Он вышел из номера и вскоре вернулся с настольным вентилятором и еще одной бутылкой воды для умывания.

– Раздобыл у директора гостиницы, по знакомству, – сказал Садыков. – В городе достать вентилятор трудно. И у людей нет денег, чтобы покупать такие дорогие вещи. Располагайтесь как дома, отдыхайте. Позже заеду за вами, покажу город. Да, кстати. Еще раз прошу: будете выходить в коридор, в разговор ни с кем не вступайте. Если в дверь постучат, не открывайте. Тут американцев сроду не видели. Если пойдут слухи, что вы остановились в гостинице, сюда любопытные набегут. Под окнами мальчишки станут кланчить деньги... А за ними взрослые повадятся... Господи, не приведи.

- Но ведь та женщина на рисепшене... Она знает, что я из Америки.
 - Здесь я зарегистрировал вас как Антонину Максимову. Русскую. И еще я предупредил ту бабу за конторкой, что вы плохо слышите. Ну, чтобы и она не приставала с вопросами.
- Уходя, Садыков оставил на столе ключ от номера.

Глава вторая

Ночью горячий ветер пригнал в город тучи песка и пыли, но к утру буря успокоилась. Белая «Волга» Рахата Садыкова остановилась возле гостиницы, как договорились накануне, около семи утра. Джейн спустилась вниз и заняла место рядом с водителем.

После вчерашнего знакомства с Джейн, он испытывал разочарование. Вечером американка согласилась пройтись по городу. Собиралась долго, вышла из номера в светлых штанах до колен и желтой майке. Смущенный ее легкомысленным видом, Садыков терпеливо объяснил, что здесь не Москва. Женщины не носят шорты и майки без рукавов. В городе много мусульман, подобные наряды оскорбляют их религиозные чувства.

Джейн пришлось вернуться в номер и переодеться. Когда они наконец двинули вверх по улице, быстро стемнело. Солнце просто свалилось за ближайший склон горы, на небе высыпали звезды, крупные, как серебряные монеты. Из облака выплыл гнутый месяц, похожий на кривой арабский кинжал. Экскурсию пришлось прервать, потому что в темноте немного увидишь.

Садыков вывел свою спутницу на базарную площадь, слева бледнел абрис мечети, унылого прямоугольного здания, сложенного из серого камня. По другую сторону светилась вывеска ресторана «Восток» и слышалась музыка. Что ж, самое время поужинать. Рахат сказал, что ресторан – европейский, посетители сидят за столами на стульях, а не на коврах, поджав ноги.

Время от времени из западной части города, со стороны равнины, в воздух поднималась осветительная ракета. Взлетая, оставляла за собой шлейф серого дыма, и долго висела в ночном небе, окрашивая землю и постройки вокруг площади в мертвенный зеленовато-синий цвет. Поднявшись на крыльцо ресторана, Рахат долго барабанил ногой в высокую дверь, обитую пластинами железа.

Узкие окна, занавешенные плотной тканью, почти неразличимы в темноте, слышался запах подгоревшего бараньего сала. Наконец наружу вывалился здоровенный детина в темном костюме и светлой рубашке. Человек оказался метрдотелем. Из разговора Джейн поняла, что с местами глухо, половина зала отдана под банкет, справляют юбилей какого-то знатного аксакала. Остальные места заказаны еще с позавчерашнего дня.

«Вышвырни кого-нибудь и освободи столик, – сказал Садыков. – Поторапливайся. Видишь, женщина ждет». Он старался говорить тише, но не мог, громкая музыка заглушала речь.

Рахат поглядывал на Джейн, стоящую внизу, не слышит ли она разговора. «Кого я выкину? – метрдотель чувствовал себя неуютно, он вытирал лоб платком и жалко улыбался. – Там все солидные люди». «Выбери пару идиотов, на свое усмотрение, – усмехнулся Садыков. – Живо». Он заглянул в глаза метрдотеля и тот сдался. «Будет сделано», – прошептал он и шагнул к двери.

«Никого не надо выкидывать, – громко сказала Джейн. – Мы уходим. Ужин отменяется». Она развернулась и быстро зашагала в темноту площади. Садыков, понимая, что вечер безнадежно испорчен, побежал следом. Он что-то бормотал в свое оправдание. Мол, не в том смысле выкинуть посетителей, не в прямом. Как раз наоборот, он только просил пересадить людей в другой зал, найти им столик у окна, чтобы поудобнее...

Но Джейн не слушала.

* * *

Сегодня, переживая несправедливое унижение вчерашнего вечера, Садыков смолит сигарету за сигаретой и молча крутил баранку. Подъехали к длинному одноэтажному дому, он открыл железные ворота, загнал машину во двор. По узкому коридору провел женщину в крайнюю комнату.

Единственное окошко выходило на улицу. Обстановка своим аскетизмом под стать гостиничной: однотумбовый стол и конторский шкаф. За его застекленными дверцами пылился железный чайник и несколько стаканов. И еще огромный несгораемый сейф в темном углу. Погромев ключами, Садыков открыл дверцу сейфа, выложил на стол несколько тощих папок с бумагами.

– Здесь все документы по этой фабрике, – сказал он. – То есть все, что удалось спасти.

– В каком смысле «спасли»?

Джейн устроилась на краешке единственного стула, вытащила из сумки ноутбук, портативный сканер и принтер.

– Здесь, в старом городе, электричество дают по нечетным числам, – процедил сквозь зубы Садыков. – Только по вечерам. Всего на два-три часа.

– Ничего, батареи хватит на четыре часа. И еще есть запасная. Так что случилось с документами?

– Зима была холодная, мыши прогрызли заднюю дверцу шкафа, пытались сожрать бумаги, – Рахат погромел ключами. – Кое-что сожрали, остальное я переложил в сейф. Специально купил его на рынке. В него мыши не залезут. Вы работайте спокойно, в здании нет ни души. И никто не появится. Когда за вами заехать? Ну, чтобы мало-мало пообедать?

– Я тут перекушу, – Джейн выложила из сумки на стол банку консервов, поставила бутылочку с водой. Провизию она купила в гостиничном буфете. – Я жду вас в три часа дня. К этому времени я разберусь с документами. Составлю опись, сделаю электронные копии. Напечатаю запросы, которые нужно будет развести по адресам, чтобы не терять времени на их рассылку.

– Что? – не понял Садыков.

Джейн терпеливо объяснила. Запросы в земельный комитет и в два министерства. Нужно выяснить, когда и кто выделял землю под строительство фабрики. Кто подрядчик и субподрядчик строительства, какова кадастровая, то бишь официальная стоимость земли.

Садыков промокнул лоб платком и опустил на стул. Пришла его очередь кое-что объяснить. Он рассказал, что тут дела делают по-другому. Чиновники в министерствах не станут отвечать на какие-то сомнительные запросы, составленные не поймешь кем. Если нужно получить какой документ, через знакомых находят нужного человека. Приглашают его в ресторан или в чайную, при встрече обговаривают цену, которую проситель должен выложить за справку, диплом или свидетельство. За небольшой бакшиш Джейн получит все, что хочет.

– С нужными людьми я сведу вас сегодня же, – Садыков прижал руки к сердцу. – Уже завтра будут все документы. И на этом все. Работа сделана, командировка закончена. Можете возвращаться обратно. Здесь любят доллары. Понимаете?

– Разумеется. Но мне не нужны купленные справки. Мы поступим так, как я сказала. Вы доставите в министерства мои запросы. А я получу официальный ответ.

– Долго ждать придется.

Садыков хмыкнул. Он пришел к выводу, что Джейн упряма, как тот ишак, что стоит на привязи у дома через улицу. А упрямота – это хуже, чем глупость. Это такой тяжкий недуг, его не вылечит даже известный местный знахарь, полуслепой старик, настоящий волшебник, который отпаивает пациентов лечебными травами. И, случается, поднимает умирающих со смертного одра.

– Завтра, чтобы не терять времени, выедем на место. Возможно, к нашему возвращению бумаги будут готовы. Вот список снаряжения, которое потребуется для поездки. Сможете достать?

Садыков взял из рук Джейн исписанный листок. Так, как... Две туристические палатки, топор, две рулетки, геологические молотки, пара спальных мешков, рюкзаки, консервы, вода и еще кое-то по мелочи.

– Достану, – кивнул он. – Кстати, оружие нужно?

– Мы ведь не на войну собираемся.

– Карабин не помешает. Время беспокойное.

– Хорошо. Сколько это будет стоить?

Джейн отсчитала деньги. Через минуту она увидела, как по улице пропылила белая машина Садыкова. Джейн раскрыла первую папку, рассортировала бумаги. Покончив с этим, вытащила из сумки трубку спутникового телефона, позвонила Чарльзу Хейнсу, заведующему московским отделением аудиторской фирмы «Хьюз и Голдсмит». Коротко обрисовала ситуацию, сказав, что командировка может затянуться по объективным причинам. Без знакомств с высокими чиновниками, без взяток здесь плюнуть нельзя. Примерно как в Москве, даже еще хуже. Впрочем, она и не рассчитывала, что все пойдет гладко.

– Что ж, желаю удачи, – голос Чарли не источал оптимизма. – Жду твоих звонков каждый день, как договорились.

Джейн дала отбой, включила сканер и стала копировать документы.

* * *

Оперативники во главе с Девяткиным наладили посменное дежурство возле дома, где живет любовница Тоста. Провели в засаде четверо суток. За это время в доме никто не появлялся. Вечером пятого дня сюда нагрянула веселая компания женщин и мужчин. В окнах засветился свет, на улице стала слышна музыка.

В ночную смену попали Девяткин с его давним напарником Сашей Лебедевым, мастером спорта по классической борьбе в супер тяжелом весе. Они рассчитывали, что к полуночи веселение кончится, и гости с хозяйкой завалятся спать, но ошиблись.

Окраина небольшого города тонула в дожде и тумане, но свет в окнах частного дома продолжал светиться. На занавески ложились чьи-то тени. Изредка под навесом крыльца возникали темные очертания человеческих фигур, вспыхивали оранжевые огоньки сигарет, это хозяйка, боявшаяся пожара, выгоняла мужчин курить на воздух.

Старлей, развалившись на переднем сидении машины, рядом с Девяткиным, молчал и думал о чем-то своем. Дождь то затихал, то принимался лить с новой силой, стучал по крыше машины и лобовому стеклу. Где-то вдалеке, на станции, слышались гудки скорых поездов.

Девяткин только что закончил разговор с дежурным по информационному центру ГУВД, положил трубку в карман. Развернул фантик конфеты и сказал:

– Только сейчас выяснили личность Тоста. Выходит, это тот самый собачий хрен, которому я когда-то устроил командировку на пять лет в республику Коми. Ему предъявили обвинение в убийстве и разбое, но осудили только за разбой. Адвокат хорошо постарался. Жора Тост, он же Георгий Серов, тридцать восемь лет. Психопат и садист. Четыре судимости.

– По мокрым делам?

– Нет. Первый раз попал в поле зрения милиции, когда натравил свою бойцовую собаку на беременную женщину, которая поздно возвращалась домой. Собака искусала ей лицо, вырвала щеку, выгрызла левый глаз. А Тост стоял и курил, наблюдая за этой сценой. Женщину спасли, но ребенок не выжил. Тост получил условный срок. Адвокату удалось доказать, что в его действиях не было злого умысла, собака просто взбесилась.

– И много у него таких подвигов? – Лебедев зевнул.

– Хватает. Как-то отобрал сумку у женщины почтальона, засунул бабу в мусорный контейнер, навалил сверху кирпичей, чтобы не вылезла. А затем облил бак керосином, хотел поджечь. Помешали рабочие, которые возвращались со смены через пустырь. Еще раз засветился, когда сбил машиной прохожего. Вылез из тачки. Вроде бы, вокруг никого. Он ободрал мужчину до копейки. Вытащил бумажник, сорвал цепочку с шеи, сел в машину и уехал. Когда задержали, симулировал сумасшествие.

– Он что, совсем больной?

– С головой у него все в порядке, неоднократно проходил освидетельствования в институте Сербского. Но у него был очень хороший адвокат и еще богатые родители. Со связями. Но это все – дела давно минувших дней. После последней отсидки Тост на пару лет исчез из поля зрения милиции. Где его искать, жив ли – не было никаких данных. И вот на тебе – нарисовался. Теперь торгует дрянью. Как говориться, нашел свое место в жизни.

– А почему этого господина крутим мы, убийный отдел? – спросил Лебедев. – Завалил кого-нибудь?

– Долгая история. И темная. Сначала возьмем Тоста, а потом я тебе все выложу. И он нам что-нибудь интересное наверняка расскажет. Давай, топай на разведку. Обойди дом, посмотри, что и как.

Когда старлей, тихо прикрыв дверцу, двинул к дому, Девяткин включил приемник, передавали прогноз погоды. Дождь, понижение температуры...

* * *

Юрий Девяткиен прикурил сигарету, заслоня ладонью тлеющий табак, глубоко затянулся. Кажется, что табак горчил.

Девяткин до тошноты ненавидел истории, в которых замешаны иностранцы. Потому что где иностранец – там почти всегда политика или что-то в этом роде. А политикой он не интересовался, других забот хватало.

В былые времена сомнительная привилегия разбирать преступления, в которых фигурировали подданные иностранных государств, доставалась КГБ. Но жизнь бысстро меняется. КГБ превратилось в ФСБ, иностранцев в России сейчас гостит или работает столько, что расследование уголовных преступлений с их участием передали милиции. А сверху Генеральная прокуратура и ФСБ наблюдают за ходом следствия, дают указания, требуют объяснений, если срок следствия затягивается.

На этот раз иностранец, точнее гражданка США прямого отношения к убийству не имела. Некая Джейн Майси проходила по делу как свидетель. Женщина прибыла в Москву в начале мая, она аудитор фирмы «Хьюз и Голдсмит». Занимается оценкой промышленных объектов и земельных угодий.

В незакрытой машине Майси, на заднем сидении был обнаружен труп мужчины примерно тридцати пяти-сорока лет. Потерпевший был жестоко избит, а затем застрелен с близкого расстояния, почти в упор, из пистолета российского производства, предположительно системы Макарова девятого калибра. Одну пулю выпустил в грудь жертвы, вторую в голову, точно между глаз. Преступление было совершено в другом месте, возможно, у реки или озера. Об этом свидетельствуют частицы илистого грунта на ботинках. Затем труп перевезли в Москву и засунули на заднее сидение машины. Личность убитого не установлена.

По Москве Майси передвигалась на «Джипе Либерти», сзади стекла затемненные. Женщина дворник, спозаранку подметавшая площадку перед подъездом, подошла вплотную к машине, обратив внимание на неподвижную фигуру на заднем сидении. Она постучала в

стекло, никто не отозвался. Дворник дернула ручку, к ее ногам вывалился мужчина с черной дыркой между глаз и окровавленным лицом.

В тот же день после обеда Джейн Майси давала объяснения в Главном управлении внутренних дел на Петровке. Во время допроса в кабинете Девяткина расселись русский адвокат, представитель американского посольства и переводчик, в котором не было никакой необходимости. Все присутствовавшие прекрасно владели русским языком.

Кроме того, в кабинет завалился важный чин из московской прокуратуры и сама Джейн. Она отвечала на вопросы односложно, сильно волновалась, робела с непривычки. Говорильня растянулась на два с половиной часа, потому что представитель посольства запретил Джейн общаться со следователем на русском языке. Всю бодягу переводил замороченный, совершенно тупой мужик, который взял за правило по два раза переспрашивать вопросы и ответы.

Удалось узнать, что последние два дня Джейн добиралась до офиса пешком. В городе пробки, а до работы рукой подать. Машину оставила возле своего дома третьего дня и больше к ней не подходила. Человека, обнаруженного на заднем сидении, никогда в глаза не видела. Как он попал в машину, не знает. Девяткин взял с Джейн подписку о невыезде, повторил, что она не имеет права покидать город без официального разрешения ГУВД, и пошел к руководству.

«Первым делом выясни личность убитого, – приказал начальник следственного управления Богатырев. – Я наперед знаю, что сверху будут давить, пока мы не все не раскрутим. Постарайся, Юра. Я ведь в отпуске еще не был».

Выяснить личность убитого оказалось нелегким делом. В карманах жертвы не обнаружено документов, квитанций, магазинных чеков. По милицейским картотекам он не проходил, пальчики трупа не зарегистрированы ни в одной базе данных. Характерных примет, шрамов, бородавок, крупных родинок или татуировок нет. Одежда фирменная, дорогая. Но точно определить, где куплены вещи, – задача практически невыполнимая.

Возраст жертвы приблизительно тридцать семь – сорок лет. В потертом бумажнике двести долларов, некоторая сумма в рублях. И, главное, полтора десятка разовых доз героина. Ясно, что товар на продажу. Надо полагать, убитый был сбытчиком дряни. Но сам, как и всякий уважающий себя сбытчик, наркотики не потреблял, следов инъекций на теле нет. Героин афганский, с примесями, разбавлен тальком на тридцать процентов.

Героин – это уже зацепка. Очертили круг лиц, через которых можно навести справки об убитом. Девяткин поставил на уши всех осведомителей, – нужно узнать имя оптового торговца афганской дрянью, который разбавляет героин тальком. И вот результат: есть конкретное имя – Серов, кликуха – Тост, есть даже адрес любовницы.

Как только на Тоста наденут браслеты, можно считать, что полдела сделано. А Тост ответит, как в машине американки оказался труп сбытчика дури. Может быть, Тост знает имя убийцы. А, может, сам сработал. Ему не впервой.

* * *

Передняя дверца открылась, и на сидение упал Лебедев. Рапорт оказался коротким. Лебедев промок до нитки, на дворе темно, как в могиле. Но удалось установить, что на задах дома – глухой забор высотой примерно два метра, под навесом чья-то машина без номеров. Ближе к забору деревянный сарай, запёртый на навесной замок. Светятся два окна, одно темное.

Лебедев залез на пустую бочку, заглянул в комнаты. В одной стоит застеленный диван, на нем валяется мужик в штанах и рубашке. Видно, совсем бухой, смотрит в потолок и зевает. В другой комнате на кровати мужик с бабой, женщина раздета. Еще двух человек Лебедев видел на пороге дома: мужчина с женщиной выходили покурить. По его подсчетам, в доме четверо мужчин и две женщины.

Девяткин слушал рассеяно. Все в порядке, надо только дождаться, когда сон свалит с ног загулявшую публику.

– Остальное пустяки, – вслух сказал Девяткин.

– Что?

– Возьмем Тоста, а остальное – пустяки, – пояснил Девяткин.

– Возьмем, – кивнул Лебедев. – Не таких брали.

* * *

Хозяин фирмы «Васта» Станислав Рогов не любил засиживаться в рабочем кабинете допоздна, но последние месяцы, после трагической гибели компаньона Василия Ивченко, самому приходилось разгрести накопившиеся дела, большие и маленькие. А дел этих заметно прибавилось. Поэтому рабочий кабинет на втором этаже старого особняка в центре Москвы сделался Стасу вторым домом.

Последние дни он был занят подготовкой к продаже старого неработающего завода в пригороде Ярославля, в свое время купленного за сущие гроши. Все оборудование было распилено на металлолом и продано. Сам завод поделен на три отдельных куска, каждый из которых ждал своего покупателя. Складские помещения возьмет местная деревообрабатывающая фабрика.

От двух производственных цехов остались голые стены. Казалось, на это добро придется долго искать покупателя. Но к цехам от товарной станции тянулась железнодорожная ветка. Это решило исход дела: цеха приглянулись торгово-закупочной фирме, спекулирующей углем и мазутом, чтобы использовать как склад. Административный корпус продадут как отдельно стоящее офисное здание.

Главное, удалось взять хорошую цену. Большую часть денег, как обычно, отдадут черным налом, а в договорах купли-продажи будут проставлены цифры, не имеющие никакого отношения к реальной цене предприятия. И сам договор оформлен на фирмы однодневки, руководят которыми подставные лица по подложным документам. Фирмы и люди исчезнут сразу после того, как настоящий покупатель выложит деньги на бочку.

С одиннадцати ночи Рогов проверял бумаги, подготовленные юристами. На отдельном листке он отметил, что по офисному зданию не готов договор с пожарными и местными энергетиками, а без этих бумаг работать нельзя. Наконец Рогов закрыл папки с бумагами, сдвинул их на край стола.

В кожаном кресле за кофейным столиком сидел юрист «Васты» Александр Шатун. Ожидая, когда босс освободится, он разыгрывал сам с собой шахматную партию. В недавнем прошлом, когда штат фирмы превышал пять сотен человек, Шатун выполнял функции начальника службы безопасности. И неплохо справлялся со своими обязанностями.

– Думаешь, как провести остаток сегодняшней ночи? – спросил Рогов. – Ты прикидываешь, что лучше: завалиться к девочкам или хорошо отоспаться. Угадал?

– Есть третий вариант: выпиться, – отозвался Шатун, не отрывавший взгляд от шахматной доски. – У меня коллекция хорошего виски: шотландского, ирландского, американского, австралийского... Не хочешь составить компанию?

– Не сегодня. Я слишком устал.

Он встал из кресла, подошел к подоконнику и стал смотреть на темную улицу. Он думал, что у фирмы «Васта» оставалось уже не так много недвижимости, когда-то купленной за гроши, теперь подорожавшей в сотни, в тысячи раз. Распродажа активов началась более года назад, когда компаньон Стаса, совладелец фирмы Вася Ивченко был еще жив. Это их общее решение: продать все, что когда-то сумели скупить. Разменять фишки на наличные.

Вася не дожил до сегодняшнего дня, не снял сливки с жирного молока. Он был неплохим коммерсантом, только твердости характера иногда не хватало. Многие Васькины мечты не сбылись.

Но такова наша общая судьба. На прекрасном поезде под названием «Красивая жизнь» ты мчишься в розовые дали. Сердце полно любовью, вокруг так много прекрасного, манящего, желанного, карманы набиты деньгами. Но вот объявляют твою остановку. И надо выходить. Хочешь или не хочешь – надо выходить. Васька вышел из поезда год назад.

Кончиками пальцев Рогов помассировал виски. Голова оставалась тяжелой. Интересно, что бы сказал Василий, если бы узнал, какие огромные деньги удалось выручить. Конечно, есть свои издержки. Грязный нал приходится отстирывать, осуществляя банковские проводки через доверенных банкиров. На эти цели уходит два с половиной процента с общей суммы выручки. Надо дать на лапу чиновникам, что сидят на местах. Плюс расходы на создание подставных фирм, через которые приходится действовать, чтобы не показывать налоговой инспекции реальную прибыль. Плюс взятки милиции, плюс... Всего не перечесать. Но дело того стоит.

Рогов подсел к кофейному столику и сказал:

– Белая королева бьет ладью. Ну, чего ты еще думаешь? Ходи.

– Есть другая комбинация, – Шатун передвинул белую пешку на одно поле вперед. – Теперь оцени перспективы.

– Давай о другом поговорим. Крой сразу: чего слышно из Душанбе?

– Джейн Майси прилетела. И все-таки решила инспектировать наш объект. Встретил ее мой человек, из местных. Ему можно доверять. Когда-то у него была небольшая бригада. Грабили товарные составы, подрабатывали на наркотиках. Но его парней отстреляли конкуренты. И теперь он сам по себе.

– Значит, проблем не будет?

– Я так не говорил, – Шатун сбросил фигуры с шахматной доски. – Понимаешь, эта Джейн хотела выехать на место. Она настаивала на своем. Садыков ничего не мог сделать.

– Очень интересно. А я обо всем узнаю последним?

– Я думал, эта чертова баба посидит пару дней в Душанбе и вылетит обратно в Москву. Но очень упертая, договориться с ней практически. Сначала я решил – устроить Джейн несчастный случай со смертельным исходом. Или инсценировать ограбление с убийством. Садыков с таким делом легко бы справится. Но к чему спешить? Закопать американку никогда не поздно. Но вместо нее пришлют другого аудитора, который окажется ничем не лучше. Смерть Джейн привлечет внимание. И может обернуться неприятностями. И решение пришло само: пусть съездит. Ну, раз уж иначе нельзя...

– Ты ведь еще неделю назад говорил: все схвачено, все сделано, как надо. А теперь выясняется, что эта баба выезжает на место.

– Пусть выезжает, – улыбнулся Шатун. – Вопрос: далеко ли она уедет? И по какой дороге. И куда, в конечном счете, попадет. Понимаешь?

– Это звучит веселее. Ладно, продолжишь рассказ по дороге домой.

Рогов вышел из кабинета и стал спускаться вниз по мраморной лестнице. Шатун поднялся во весь могучий рост, надел пиджак, потому что в подплечной кобуре таскал крупнокалиберный пистолет. И, быстро перебирая ногами, заспешил за хозяином.

Глава третья

«Волга» Садыкова вырвалась из города ранним утром, когда жара еще не началась, а солнце уже позолотило вершины гор, покрытые ледниками и вечным снегом. Наряд военных, проверявших транспорт на выезде из города, остановил машину.

Из будки контрольно-пропускного пункта вышел лейтенант. Вроде бы русский, в форме, выгоревшей на солнце, давно потерявшей свой первоначальный свет. На голове фуражка с зеленым верхом, на плече автомат. За ним следовал сержант из местных, он держал на поводке серую овчарку с широкой грудью и мощными лапами. Собака скалила зубы, рвалась вперед, старшина дергал поводок и ругался по-таджикски.

Лейтенант приказал отогнать машину на обочину, выйти всем, кто есть в салоне. Выгрузить из багажника вещи, проследовать в помещение контрольно-пропускного пункта для процедуры личного обыска. Он отдавал приказания быстро, Джейн, занявшее место на заднем диване, за водителем, решила, что поездка может закончиться прямо сейчас, еще не начавшись. Садыков, обернувшись, сказал, чтобы она сидела, где сидит, сам вышел и коротко переговорил с лейтенантом.

Офицер, заглянул в салон.

– Доброе утро, – сказал он и улыбнулся.

– Доброе, – выдавила из себе Джейн. В горле першило от пыли, а процедура личного обыска, которую предстояло пройти, уже вызвала чувство физической брезгливости. – Доброе утро...

– Хорошая погода, – лейтенант почему-то не уходил, он продолжал, согнувшись, стоять у машины, смотреть на Джейн и улыбаться. – По радио передавали, через пару дней станет прохладнее. Как там Москва? Шумит? Я-то сам родом из...

Лейтенант не успел закончить повествование, в помещении контрольно-пропускного пункта зазвучал зуммер телефона внутренней связи. Офицер махнул рукой сержанту, отдал короткую команду и пропал в облаке пыли.

Поплыла кверху железная труба шлагбаума, раскрашенная в красно-белый свет, с укрепленной посередине табличкой «Стоять, запретная зона. Открываем огонь без предупреждения». Садыков нырнул в машину, включил мотор и газанул. Через несколько мгновений постройки пропускного пункта, башня, сложенная из бетонных блоков, с пулеметом на крыше и длинные кирпичные постройки скрылись за поворотом.

– Ищут наркотики, что идут из Афганистана, – Садыков усмехнулся. – На границе и в городе полно солдат. А дряни меньше не становится. Потому что лаборатории, где делают героин, давно переехали из Афганистана на эту сторону реки. Это раз. Во-вторых, в этом бизнесе участвует много людей. А деньги рекой текут.

Дорога спускалась вниз, на равнину, Садыков гнал машину, стараясь отмахать побольше километров до наступления жары.

– Почему нас пропустили? – спросила Джейн. – И даже документы не проверили?

– Ну, предположим, документы проверили, – ответил Рахат. – Я предъявил лейтенанту свой паспорт и вашу справку. И сказал, что вы жена русского инженера геодезиста, который работает за сто верст от города. Приехали к мужу из Москвы.

Садыков вытащил из кармана сложенный вчетверо лист бумаги: «справка коммунального управления Железнодорожного района города Душанбе». Джейн пробежала взглядом ровные машинописные строки. Выдана Антонине Ивановне Максимовой, в том, что она зарегистрирована по месту своего жительства: улица Молодых строителей, дом 12. Согласно заявлению, паспорт Максимовой утерян. Неразборчивая подпись и водянистая печать.

Рахат гнал машину так быстро, как только мог. Подвеска поскрипывала, но не разваливалась. Изредка навстречу попадались грузовики с овощами. Холмы кончились, дорога спустилась на равнину, но здесь кончился асфальт. Еще некоторое время «Волга» летела по грунтовке, подпрыгивая на рытвинах.

– Вот это машина, – повторял Садыков. – Выносливая, как верблюд.

Гонка закончилась, когда в радиаторе закипела вода. Пришлось, съехав в чистое, выжженное солнцем поле, остановиться в тени одинокой чинары. Рахат выругал машину последними словами и плюнул через губу. Он расстелил на земле лоскутное покрывало, вытащил из багажника канистру с питьевой водой, коробку с абрикосами и вяленое мясо, что захватил в дорогу. Через час тронулись дальше. Но не проехали и километра, как вода в радиаторе снова закипела.

– Надо ждать, – сказал Рахат. – Так только тачка сможет ехать, двинем к тем холмам. Переждем в тени до вечера. Отдохнем. А там отправимся дальше. По холодку.

Джейн присела на землю, прислонилась спиной к теплому стволу дерева. Она сделала пару глотков воды из пластикового стакана. Смочила платок и протерла лицо. Сомкнув веки, сказала себе, что сейчас не мешает немного поспать. Если и дальше останавливаться на каждом повороте и сидеть целый день на месте, до цели доедут чрез неделю, не раньше. А силы ей еще пригодятся.

Зной сделался густым, осязаемым. Казалось его можно резать на куски и мазать на хлеб, как масло. От жары и духоты руки наливались тяжестью, дремота наваливалась на Джейн, как рухнувшая стена. На минуту вспомнилась ночь в гостинице, душная, бессонная. Ночь, которой, кажется, не будет конца. Собачий лай за окном, приглушенные голоса мужчин на заднем дворе, чей-то смех. Вспышки сигнальных ракет в темном небе. И еще вспомнился давний телефонный разговор...

* * *

Именно в тот день, в том разговоре первый раз промелькнуло слово «русский». Это было важное слово, даже не слово, а целое сообщение, смысл которого еще не был ясен Джейн.

– Соединяю, – кажется, говорила не женщина, а робот. – Впрочем, простите, мэ... Вы можете немного подождать? Мистер Уилкист освободится через минуту.

До командировки в Россию оставался месяц с небольшим. Джейн позвонила Майклу Уилкисту, самому близкому человеку на свете, если не считать четырехлетней дочери Кристины, мужчине, с которым была обручена уже полгода. Дожидаясь, когда его позвонят к телефону, Джейн стояла у окна кабинета, большого, во всю стену окна, из которого открывался потрясающий вид на озеро Мичиган, акваторию яхт-клуба и набережную.

Середина весны, в Чикаго еще холодновато, дует ветер, а люди носят куртки. Но самые закаленные и смелые владельцы судов уже выводят свои кораблики на открытую воду, заплывают далеко. Из окна видно, как у бледно-голубой линии горизонта, которая в свете заходящего солнца сливалась с таким же бледно-голубым небом, застыли два крошечных суденышка под белыми парусами. Издали они напоминали скорлупу орешков.

Что-то щелкнуло, Уилкист покашлял в трубку.

– Привет, – сказала Джейн. – Я уже соскучилась.

– Это немудрено, когда жених с невестой живут в разных городах и не видятся неделями, – Уилкист говорил печальным голосом, растягивая гласные звуки. – Я думал, ты не позвонишь сегодня. С пяти до семи у меня три просмотра. Клиенты из Пакистана, сами не знают, чего хотят. Планировал звякнуть тебе, когда вернусь домой. Сейчас совсем нет времени, через три минуты я выбегаю из офиса.

Майкл любил жаловаться на жизнь, чаще всего адресовал жалобы Джейн.

– Трех минут мне хватит, – ответила она. – Хотела сделать тебе сюрприз. На уикенд жду тебя. Я испеку шикарный торт. Место в бизнес классе самолета Атланта – Чикаго забронировано. Рейс «Юнайтед» в пять вечера в пятницу. К тому времени ты кончишь работу и успеешь доехать до аэропорта. Как предложение?

– Чертовски жаль, но ничего не выйдет, – голос Майкла сделался тусклым. – В субботу мне, скорее всего, придется возиться с теми же пакистанцами. Третий месяц катаю их в своей машине, показал им уже полгорода. А они не могут решить для себя, какой дом им нужен: в стиле ранчо, сплит или двухэтажный. Новый или раритет колониальной архитектуры. И в какую сумму собираются уложиться тоже непонятно – двести тысяч или триста. Только переругиваются между собой и морочат мне голову.

– Что делают пакистанцы в Атланта? – спросила Джейн, стараясь быстрее переварить эту мелкую неприятность. Встреча не состоится в ближайший уикенд, не беда, это всего лишь недельная отсрочка. Пакистанцы ее не интересовали ни с какой стороны, но нужно было что-то говорить, чтобы скрыть свое разочарование.

– То же самое, что и все остальные покупатели: ищут жилье. Особняк, который можно здесь купить за двести штук, в Нью-Йорке или Чикаго будет стоить миллион баксов. Не забывай, здесь – юг, а не Новая Англия.

Майкл, риэлтор с двенадцатилетним стажем, нажил дурную привычку подробно объяснять каждую мелочь, ерунду, не стоящую и пары слов. Фирма, где он работал последние годы, брала с продаж шесть процентов комиссионных, и только одна четвертая часть из этих шести процентов оседала в кармане Майкла. Да, он жаловался на жизнь, но тому были причины. Застой на рынке жилья, спад продаж, большая престарелая мать, страховка которой не покрывала всех медицинских расходов. А эти расходы – чистая астрономия.

– Тогда так: я прилечу к тебе, – сказала Джейн. – Сниму номер в гостинице и буду ждать, когда ты освободишься. Даже если пакистанцы задержат тебя до полуночи, я все равно буду ждать. Кстати, у меня для тебя небольшой подарок, сувенир.

– Прошлый раз небольшим подарком оказались швейцарские часы за три тысячи восемьсот шестьдесят пять баксов, – голос Майкла неожиданно сделался раздраженным. – Я хочу сказать тебе кое-что. Собирался это сделать раньше, но все случая не было. Так вот, хочу сказать, что дорогих подарков больше принимать не стану. С твоим чувством деликатности трудно понять, что ты обижаешь человека. Ты даришь элегантные пустячки, цена которых превышает мою зарплату. До тебя не доходит, что это унижительно для меня. Всякий раз ты хочешь подчеркнуть разницу в нашем с тобой имущественном положении. Ты уже во второй раз даришь мне дорогие часы...

Майкл замолчал. Несколько секунд Джейн не могла сообразить, что ответить. Только беззвучно шевелила губами и терла пальцами кончик носа. Так всегда получалось, когда хотелось расплакаться от незаслуженной обиды. Кажется, возникшая пауза могла затянуться на целый год или даже столетие.

Она подумала, что Майкл не пропускает ни одного праздника, чтобы не сделать ей презент. Его подарки, в которых всегда лежали магазинные чеки, чтобы Джейн могла в случае чего вернуть вещи и получить обратно деньги, – это вещи утилитарные, сугубо практические. И, как правило, стоят не дороже тридцатки. Ежедневник в кожаном переплете, практичная ручка в металлическом корпусе с запасным стержнем, керамическая ваза для фруктов или сухого печенья, электронные напольные весы, пористый резиновый коврик для ванной комнаты.

– Прости, пожалуйста, – сказала она. – Честно, мне в голову не приходило, что какие-то часы могут тебя так огорчить. Я всегда делала подарки от чистого сердца. Господи, Майкл, неужели ты этого не понимаешь? В нашем имущественном положении нет почти никакой разницы. Я зарабатываю немногим больше твоего...

– Ты зарабатываешь на пятьдесят тысяч долларов в год больше, – фыркнул Майкл. – Теперь это называется «немного»? Хорошо, буду знать, что пятьдесят штук – это мелочь. А деньги, которые оставил твой отец?

– Прекрати, Майкл, слушать не хочу, – Джейн почувствовала, что заводится. – Отец жив. И, слава богу, не собирается ложиться в гроб. Он сказал, что в случае его кончины мне достанется триста тысяч долларов. И ни центом больше. Основной его капитал поступит в гуманитарный фонд его имени, у которого есть управляющий. И еще в штате Мэн будет построена библиотека.

Майкл замолчал, выдержав паузу, сказал виноватым голосом:

– Да, не стоило об этом. Черт, мой язык рано или поздно доведет меня до беды. Я погорячился. Ну, мой дед был мексиканцем. Кровь, горячая, как кипяток, и одобренная красным перцем. Эта гремучая смесь, она досталась мне по наследству. Прости, теперь мне надо идти, созвонимся завтра.

– Ты не ответил: мне прилететь? – Джейн подумала, что стала слаба на слезу. Любая неприятность может вывезти из душевного равновесия. – Ты этого хочешь? Или я слишком настойчиво себя предлагаю?

– В субботу все равно ничего не получится, – вздохнул Майкл. – Дело не в пакистанцах. Вечером я ужинаю с одним русским по имени Алекс Шатун. Этот не парень, а мешок, набитый деньгами.

Слово было произнесено. Джейн слегка удивилась и подумала, что в Атланте не часто встретишь русских, им там просто нечего делать. Как правило, это туристы, а реже бизнесмены, совершающие пересадку с рейса на рейс в местном аэропорту.

– Мой новый знакомый собирается купить дом за наличные, – Майкл покашлял в трубку. – Огромную усадьбу и полторы тысячи акров земли. За наличные... Представляешь? Это будет второй случай за мою десятилетнюю риэлтерскую карьеру, когда дом покупают за наличман. В субботу предстоит очень важная встреча. Пожалуй, самая важная в этом году. Если все склеится, я стану немного богаче.

– Что ж, позвони, когда разгребешь дела, – сказала Джейн. – Я тебя все равно люблю, хотя, наверное, ты этого не стоишь.

– И я люблю тебя, – кажется, Майкл обрадовался, что разговор подошел к концу. – Я знаю: мы скоро увидимся, но все рано скучаю.

За несколько минут озеро и небо изменились. Солнце, опускавшееся все ниже, окрашивало окружающий мир в цвет малинового желе. Джейн еще пару минут смотрела на лодки, медленно исчезающие где-то в розовой дали, и старалась понять, почему тяжело и тревожно на сердце. Но так ничего и не поняла, вернулась к столу и постаралась сосредоточиться на работе.

* * *

Около четырех утра свет в окнах погас, Девяткин выждал тридцать минут и выбрался из машины, прихватив фонарь с длинной рукояткой. Дошагав до незапертой калитки, ступил на раскисшую от дождя тропинку и осторожно двинулся дальше. В затылок дышал старлей Лебедев.

Поднявшись на крыльцо, Девяткин остановился и прислушался. Капли дождя шуршат по крыше, будто сверху кто-то сыплет мелкую крупу. Где-то далеко воеет собака. Девяткин толкнул обитую клеенкой дверь и, убедившись, что она закрыта, отступил в сторону, давая место старлею. Тот надавил плечом, кажется, только коснулся двери, как с другой стороны, на деревянный пол упало что-то железное, то ли крючок, то ли задвижка.

Затаив дыхание, Девяткин переступил порог, сделал пару шагов и остановился. Темнота кромешная, хоть глаз коли. Пахнет мокрой шерстью и разлитым по полу десертным вином. Не хочется включать фонарь, но иначе нельзя.

Девяткин нажал кнопку, за секунду, когда горел свет, оценил обстановку и прикинул варианты. Если двинуть направо, миновать маленький коридор, попадешь в комнату, где был накрыт стол, где заводили музыку и танцевали. Там, кажется, никого нет. Левая дверь распахнута настежь, там кухня. Впереди коридор, он ведет в задние комнаты.

Видимо, там отдыхают хозяйка, два мужика, что были в гостях и выходили курить на крыльцо, и еще какая-то дамочка. Девяткин пошел вперед. Одной рукой он касался стены, чтобы не заблудиться. Другой рукой сжимал ручку фонаря. Скрипнула под ногой половица, снова скрипнула. Но уже не под ногой, где-то впереди, метрах в трех. Девяткин вжался в стену, почувствовав, как кто-то движется навстречу из темноты.

Чужое дыхание, чужой запах. Не осталось и доли секунды на размышление, Девяткин включил фонарь. Полукруг желтого света наткнулся на мужскую физиономию. Незнакомец застыл на месте в двух шагах от Девяткина.

Мужчина не шевелился, словно принимал участие в детской игре и слышал команду «замри». Трехдневная щетина, на лбу челка темных волос. От удивления он открыл рот и забыл его закрыть. Девяткин не успел нажать на кнопку, чтобы выключить свет, как из-за его спины вылетел тяжелый, как молот, кулак старлея Лебедева.

Прямой удар по лицу срубил мужчину с ног. Тихо вскрикнув, он полетел куда-то в темноту, неудобно упал, приложившись головой к ведру с водой, стоящему на табуретке. Еще стараясь сохранить равновесие, зацепился за велосипед, висевший на стене, рванул его на себя, сорвав с гвоздей. Девяткин почувствовал, как на ноги выплеснулась вода, обод велосипедного колеса больно задел колено. От неожиданности Девяткин шагнул назад, натолкнувшись спиной на Лебедева, выронил фонарь.

– Эй, кто там? – женский голос прозвучал так близко.

Вспыхнул свет в спальне, распахнулась дверь. Впереди Девяткин увидел силуэт женской фигуры, плохо скрытый полупрозрачной рубашкой. Женщина глянула на Девяткина и амбала с разбитой физиономией, стоявшего за его спиной.

И вдруг закричала тонко и визгливо:

– Менты... Суки драные... Менты...

Девяткин рванулся к женщине, ухватил ее руку, дернул на себя, вывернул по часовой стрелке, стараясь болевым приемом повалить женщину на пол. Но рука оказалась скользкой, словно маслом намазанной, девица вырвалась, метнулась к кровати, вскочила на нее. И, прижимая руки к груди, закричала еще громче и пронзительней.

Лебедев уже нащупал выключатель и врубил свет в коридоре. Девяткин подумал, что дамочка очень из себя фигуристая, под рубашкой просматривается тонкая талия и высокая грудь. Красивый прямой нос, ярко-голубые глазки и пухлый подбородок с ямочкой. С такими данными можно выступать в массовке кордебалета. А если очень понравишься режиссеру, пожалуй, большую роль дадут. Все эти мысли за долю секунды ураганом пронеслись в голове.

Девяткин кинулся к женщине, но та, стоя на кровати, ловко выбросила вперед босую ногу и врезала пяткой в плечо майора. Девяткин, охнув, отлетел в сторону, выбил спиной дверцу стенного шкафа. Оказавшись внутри кладовки, запутался в каких-то тряпках, едва устоял на ногах. И бросился в новую атаку.

Лебедев, разогнавшись, высадил плечом запертую дверь в соседнюю комнату, врубил свет и с порога заорал:

– Милиция. Всем на пол. Руки за голову. Лежать, я сказал...

Не ожидавший грозного отпора, Девяткин получил удар ногой в грудь, отступил назад, запоздало решив, что явился сюда вовсе не для того, чтобы заковать в наручники эту красотку.

Но и оставлять ее так нельзя. Он кинулся к кровати, ухватил выброшенную для очередного удара ногу, вывернув ступню, бросил на женщину матрас, сам навалился сверху. Стащил ее вниз, на пол, подмяв под себя, перевернул на живот и вытащил наручники.

– Насилуют, – во всю глотку закричала женщина. – Менты насилуют. Ублюдки... Слезь с меня, мразь. Люди, посмотрите, что творится. Менты вломились, чтобы женщин насиловать. Господи, да что же это делается... Люди... Менты убивают. Честных граждан убивают.

– Заткнись, дура, заглохни, – повторял Девяткин, сидя на женской спине, он старался завести руки назад и замкнуть на запястьях стальные браслеты. Когда задуманное наконец удалось, запихнул в рот женщины, голубые трусики.

* * *

Девяткин хотел уже подняться на ноги, но тут грохнул первый выстрел, пуля пробила стену между большой комнатой, где недавно шла гулянка, и спальней. Второй и третий выстрел Девяткин услышал, когда падал на пол.

Посыпалась сырая труха. Отлетевшая щепка, поцарапала щеку. Девяткин уже сжимал рифленую рукоятку пистолета, готовый стрелять в ответ. Только куда стрелять и в кого. Четвертая и пятая пуля прошли над головой, прошла перекладину кровати и застряли в матрахах. Пятая разбила стекло окна. В соседней комнате слышалась какая-то возня и властный голос старлея.

– Сказано тебе – лежать. И не кусаться.

Снова ударили выстрелы, что-то загромыхало, будто на пол упали пара кастрюль, донесся звук бьющегося стекла. Девяткин, лежа на полу, подумал, что в соседней комнате человек, а этот человек не иначе как Тост, сбросил с подоконника горшки с цветами и пытался раскрывать створки окна. А когда не получилось, разбил стекла пистолетом. И теперь пытается пролезть в узкое пространство между рамами. Это займет несколько секунд. А там – поминай как звали.

Девяткин вскочил на ноги, рванулся в коридор. Поскользнулся на полу, залитым водой. Тот мужчина в майке, получивший удар по лицу, еще пребывал в глубоком нокауте. Он лежал в луже, разметав руки по сторонам и раскрыв рот. Повернув налево, в узкий проход между двумя комнатами, Девяткин не успел тормознуть, налетел грудью на дверь и распахнул ее настежь. И дважды выстрелил в потолок.

Ослепили вспышки ответных выстрелов. Тост не жалел патроны, видно, успел перезарядить пушку. Девяткин рухнул на пол и подумал, что худшие прогнозы сбываются. Тост, не сумев открыть окно, разбил стекла, и теперь выбирается наружу. Одна нога уже на подоконнике. Еще секунда, и он окажется во дворе, перемахнет забор и скроется в темноте дождливой ночи. Девяткин, не поднимаясь с пола, перекатился от порога к дивану. Крепко захватив рукоятку пистолета, и выстрелил, целя в ногу.

Мужчина вскрикнул, громко застонал, выпустил пушку из рук. Ствол упал на пол, отскочив от досок исчез в темноте. Человек сидел на подоконнике, одна нога в комнате, другая снаружи.

* * *

В небе появились первые звезды. Джейн вдохнула прозрачного воздуха. Пахло дикими травами и теплой землей. Наступила тишина, только где-то далеко серебряным голоском пела птичка. Из этой тишины, донесся мужской голос. Джейн открыла глаза. В тени дерева лежал Рахат Садыков и таращил в небо темные глаза. Только что он сытно поел и теперь, кажется, не хотел немного пошевелить языком.

– Зарплата у меня была сто пятьдесят баксов в месяц. По здешним понятиям – прилично. Только делать целыми неделями нечего. Приехала одна женщина из Москвы с инспекцией. Такая видная из себя, гладкая. Зовут ее Эльвира Пузач. Не слышали? Мы поужинали в «Восточных узорах»... И пошло... Да, есть, что вспомнить. Как-то лежим мы с Эльвирой на веранде моего дома...

– Простите, я спать хочу.

– Конечно, конечно, – согласился Садыков. – Спите. Я и сам того...

Джейн почувствовала новый приступ дремоты. Веки снова налились тяжестью, предметы потеряли очертания. Перед ней раскрылся темный мир космоса, небо с выпуклыми звездами и яркий месяц. Но голос Садыкова, неумолимый, как смерть, снова зазвучал где-то совсем близко, кажется, у самого уха.

– Я проводил Эльвиру до самолета. Пузач сказала, что никогда меня не забудет. Потому что ее муж... Ну как бы это поделикатнее... Короче, полный козел. Он даже не может с женой... Он вообще ни фига не может. Это по медицинской части. Эльвира Пузач говорила про него...

– Не могли бы вы опустить интимные подробности?

– Понял, – кивнул Садыков. – Только два слова напоследок. Когда приехали начальники из Москвы и начали строить эту фабрику, – я обрадовался. Настоящее дело начинается. Но скоро строительство бросили. За последний год только вы одна из Москвы и нагрязнули...

Джейн, решив, что поспать все рано не удастся, полезла в рюкзак за книгой в мягком переплете. Перевернула несколько страниц, пыталась читать. Но не пошло. Она положила книгу на прежнее место и стала наблюдать за орлом, парящим высоко в небе.

* * *

Девяткин врубил свет и осмотрелся. Мужчина сидел на подоконнике неподвижно, он свесил голову на грудь и опустил руки, будто собрался отдохнуть перед побегом. Девяткин подошел ближе, коснувшись подбородка, приподнял голову, заглянул в открытые глаза.

Отступил в сторону и услышал, как всхлипнула женщина. На разобранном диване в углу лежала девица, она закуталась в толстое одеяло, из которого вылезли клочья ваты. Голову накрыла огромной пуховой подушкой, будто подушка могла спасти от пули. Наружу высывалась одна нога, на щиколотке татуировка в виде змейки.

– Вставай, красавица, и одевайся, – сказал Девяткин.

Он вышел в коридор, наклонился над мужиком, лежавшим в луже. Перемешавшись с кровью, вода приобрела зловещий бордовый цвет. Девяткин прочитал блеклую татуировку на запястье: Вова. Пульса у Вовы не было, шальная пуля попала в правую часть груди, вышла из левой части, видимо, зацепив позвоночник.

Девяткин прошел дальше, осмотрел кухню, зажег свет во всех комнатах и быстро обследовал их одну за другой. В спальне слева лежала уже знакомая девица, которая так ловко дралась ногами. Закованная в наручники, она снизу вверх смотрела на Девяткина, полные слез глаза молили о помощи. Светлый ковер впитал в себя кровь, сочившуюся из простреленной ягодицы.

Пуля вырвала кусок плоти, изменив направление, вылетела в окно. Девяткин, снимая с женщины наручники и освобождая рот от кляпа, думал, что задница девчонки никогда не будет такой как прежде, гладкой и твердой. На месте, куда вошла и откуда вышла пуля, останутся шрамы и вмятины, как на бампере разбитой машины.

– Вызови врача, – женщина выругалась, перевернулась на бок, ощупала пальцами мягкое место. Она облизала окровавленные пальцы и заплакала еще горше. – Сволочи вы все... Выродки...

В соседней комнате Девяткин увидел двух голых мужчин среднего возраста, валявшихся на полу. Между ними лежала закутанная в простыню женщина с короткой стрижкой крашенных волос и золотыми кольцами в ушах. Она курила, стряхивая пепел на доски пола, и материлась. Закованные в наручники мужчины лежали спокойно, один беспрерывно икал и просил воды, другой оказался настолько пьяным, что выстрелы разбудили его лишь на минуту.

Лебедев вопросительно посмотрел начальника. Девяткин внимательно взгляделся в лица мужчин, вздохнул и покачал головой.

– Во время разведки ты не увидел еще одно окошко – в сортире, – сказал Девяткин. – Жора Тост и хозяйка дома Люда Зенчук ушли через него. Ушел он... Но этого мало: в доме двое убитых и одна раненая.

– Как же так? – физиономия Лебедева вытянулась.

– Тост и Зенчук постелили себе у окна в большой комнате. Там второй диван стоит. Видно, Тост увидел, как мы через калитку заходим. Через минуту они с Зенчук уже заперлись в туалете и открыли окно. Звони, Саша, вызывай бригаду из уголовного розыска и «скорую помощь».

– Ранение у женщины тяжелое? – спросил старлей.

– Да как сказать, – помялся Девяткин. – Скажи: средней тяжести.

– А стрелял кто? – не унимался Лебедев.

– Какой-то человек, уголовник, судя по татуировкам. Он перепил водки или наркотиками накачался. Ну, и начал палить, куда попало. Три обоймы расстрелял. Теперь вместо печени у него фарш.

Он присел на стул и подумал, что все выходные ему писать объясниловки. Прокурор приехал только после обеда, задал Девяткину несколько вопросов, неторопливо выкурил сигарету и стал осматривать дом.

Глава четвертая

В крошечной темноте ехали недолго. Грунтовка, петляя, вырывалась из-под колес. Впереди показались редкие тусклые огоньки. Посередине пустой улицы, привязанный к столбу, стоял ишак. Он проводил машину тусклым равнодушным взглядом, открыл пасть и заорал «а-а-и-и». Где-то далеко залаяла собака.

Садыков сказал, что совсем недавно здесь было богатое селение, но пересохли почти все колодцы, вода ушла. И люди разбрелись, кто куда. Уехали к родственникам в другие аулы или в город. В Ташкенте найти работу очень трудно, но здесь ее совсем нет.

– Может, заночуем? – предложил Рахат. – В крайнем доме живет знатный человек. Чабан. У него восемьсот баранов. Мой старый знакомый. Встретит нас как родных.

– Вы же хотели ехать ночью, а днем отдыхать...

– Ничего, завтра будем на месте. Ночью какая езда. Одно наказание.

Рахат свернул направо, в сторону от поселка, и вскоре остановил машину возле вросшего в землю дома с плоской крышей. Видно, здесь недавно готовили пищу, на земле тлели угли костра. Виднелась двухколесная арба, стоявшая возле овечьей кошары. В одном из окошек блеснул тусклый свет керосиновой лампы. Садыков сказал, что вернется через пять минут и ушел. Он вернулся раньше, чем обещал, сказал, что его знакомого в доме нет, сейчас он на верхних пастбищах. Но в доме Бахтияр, его брат с женой и двумя младшими детьми.

– Сюда, – Садыков поманил за собой.

Джейн вышла из машины, прошагала через двор. Сдвинув кусок мешковины, висящий в дверном проеме, оказалась в комнате. Посередине на самодельной табуретке сидел мужчина. Он подобрал длинную рубаху, опустил ноги в таз, на дне которого плескалась мутная вода. Женщина, стоявшая на коленях возле таза, поливала ноги водой из кувшина, терла мочалкой из конского волоса и снова поливала водой.

Бахтияр что-то коротко сказал по-таджикски, женщина исчезла в темноте, а вместе с ней пропали таз и кувшин. Круглое дочерна загорелое лицо Бахтияра было похоже на подгоревший блин, на котором выросла реденькая с проседью борода. Джейн прищурилась. Сколько же ему лет? Тридцать? Сорок? Семьдесят? Не угадаешь.

Поднявшись на ноги, хозяин протянул ей горячую и сухую ладонь и, коверкая русские слова, пригласил присесть на покрывало, расстеленное на земляном полу у окна, и поужинать, чем бог послал. Джейн, испытывавшая еще в дороге приступы зверского аппетита, не стала отказываться. Здесь же, на полу у окна, стояла керосиновая лампа с закопченным стеклом, Бахтияр прибавил света и долго, не отрываясь, смотрел в лицо Джейн. Садыков уселся тут же, по правую руку от Джейн, лицом к входной двери.

Вскоре все та женщина, что мыла хозяину ноги, принесла бараний плов в закопченном дочерна медном казане, кукурузные лепешки, чайник с помятыми боками. И еще чашки без ручек, по здешнему, – пиалы. Женщина встала у входной двери, рядом с ней пристроилась, ожидая чего-то, девочка лет двенадцати, одетая в полосатое платье. Есть пришлось руками из казана, кусочки бараньего мяса попадались редко, жирный рис сыпался на покрывало.

– Значит, из самой Москвы сюда занесло? – переспрашивал хозяин и все не мог поверить, что на свете существуют дела настолько важные, что способны выдернуть человека из цивилизованного мира и забросить к черту на рога, в богом забытую глушь. – В командировку, значит? Надо же... Вот наказание вам выпало...

Утолив первый голод, Джейн попробовала зеленого чая, терпкого, с горчинкой. Глотнула хмельного напитка под названием кумыс, сделанного из лошадиного молока и напоминающий вкусом прокисший йогурт.

Покончив с расспросами, Бахтияр, перемежая русскую речь с таджикской, рассказал, что лето в этом году слишком жаркое, травы на верхних пастбищах сгорели, порезали много скота. Дочь подросла, двенадцать лет, настоящая невеста. Нежная, как степной цветочек. А вот жениха ей найти трудно. Одна голь перекатная. Себя прокормить не могут, не то что молодую жену.

Бахтияр отдал замуж уже три дочери, и за каждую взял хороший калым. За Лейлу в позапрошлом году получил двадцать восемь баранов, верблюда и сто долларов деньгами. Да, настоящие доллары, не рубли. Зеленые такие, на ощупь приятные. Жених десятками отсчитал. Хороший был человек, недавно головой с лошади упал. Теперь он инвалид, от государства помощь материальную получает. За инвалидом Лейла не пропадет, за нее отцовское сердце спокойно. А вот с младшей что делать...

Женщина и девочка, стоявшие у двери, услышали, что говорят о них, и в пояс поклонились гостям. Глаза Бахтияра увлажнились. Он сказал, что за младшую дочь не рассчитывает взять и пятидесяти долларов, двух десятков баранов или тонкорунных коз. Правда, добрые люди обещали свести с одним женихом, богатым уважаемым человеком. Но возьмет ли он девочку? Своих жен одиннадцать, детей – без счета, да и года почтенные – седьмой десяток разменял. И оттого болит отцовское сердце. Оттого ночами не спится, оттого вся душа почернела.

В комнату вошел мальчик, отец жестом велел ему подойти. Мальчуган что-то прошептал ему на ухо.

– Хочет в машине, на водительском месте посидеть, – сказал Бахтияр. – Проездом тут был один шофер на самосвале. Разрешил ему на гудок нажать.

Сыдыков поднялся, отвел мальчишку к «Волге» и посадил на водительское место, разрешив сигналить, сколько тот захочет. Разошлись по комнатам, когда мужчины допили кумыс, а глаза Джейн, разомлевшей от еды и зеленого чая, стали закрываться сами собой, против воли.

– Вот вам простые люди, – говорил захмелевший Садыков. – Не люди – чистое золото. Смотрите на них и запоминайте доброту человеческую.

Женщина отвела Джейн в крошечную комнату, где в углу на соломенной подстилке лежало ватное одеяло и плоская, твердая подушка, пропахшая потом. Пыталась помочь гостье снять с себя серую хлопковую ветровку, но Джейн наотрез отказалась, мол, так ей удобнее. Она повалилась на подстилку, закрыла глаза и уснула бы тотчас же. Но на дворе мальчик все баловался в машине, нажимая на кнопку предупредительного сигнала. «Волга» гудела, словно паровоз под парами.

Уже позже, в середине ночи, Джейн просыпалась от этих звуков, хотела даже разбудить Садыкова, спавшего в соседней комнате. Чтобы тот вывел мальчишку из машины. Но тут же проваливалась в глубокий колодец сна. Снова просыпалась и засыпала.

* * *

Партнер юридической фирмы «Саморуков и компаньоны» Дмитрий Радченко, оставшись один в просторном служебном кабинете, распахнул окно, выходящее в старый московский дворик. Пахло летним дождем и солнцем.

– Хорошо, – Дима упал в кресло и смежил веки.

«Хорошо, да не очень», – мысленно поправил он себя, чувствуя, как на душу набежало темное облако. Облако имело человеческое имя и фамилию: Джейн Майси, эксперт аудиторской фирмы «Хьюз анд Голдсмит». Приехала в Москву в краткосрочную командировку. Месяц назад в ее машине обнаружили труп неизвестного мужчины. Дамочка немного разволновалась: все-таки не каждый день такое бывает. Она позвонила своему боссу, а тот связался с милицией и адвокатской фирмой «Саморуков и компаньоны».

На допросе в ГУВД Москвы Майси рассказала, что убитого мужчину никогда в жизни не видела. Дважды Джейн вызывали на милицию, допросы проходили в присутствии адвоката Ивана Лужина из фирмы «Саморуков и компаньоны», а также представителя посольства США и переводчика. Видно, старик Лужин проявил себя не с лучшей стороны, по конторе прошел слушок, будто дело американки собираются передать Диме Радченко, упорному и талантливому адвокату, который вытащит своего клиента хоть со дна морского.

Если слухи имеют под собой основание, – Дима останется без отпуска. Но, если рассуждать трезво, все эти разговоры – пустая болтовня. Майси – клиент корпоративного отдела, там свои адвокаты, не хуже Радченко.

Во-вторых, уголовное дело о неопознанном трупе, найденном в машине Джейн, не имеет перспектив. Через год его спишут в архив.

Радченко положил в папку бумаги, касающиеся последних судебных дел. Через полчаса его вызывает владелец адвокатской фирмы Юрий Семенович Полозов. Скорее всего речь пойдет...

Впрочем, о чем пойдет разговор, знает только сам шеф.

В последние месяцы жизнь Радченко складывалась хорошо. Он выиграл два уголовных процесса, вытащив из тюрьмы московских бизнесменов, людей известных, влиятельных, потерявших счет деньгам. В конторе ему отвалили хорошую премию, которой хватило на дорогую побрякушку жене и мотоцикла «кавасаки», который занял достойное место в коллекции Димы. Лето в самом разгаре, работы немного и впереди виднеется отпуск.

Звякнул телефон, бодрый голос секретаря сообщил, что босс сможет приять Диму через десять минут.

– Уже иду, – ответил Радченко.

От предстоящей встречи не следует ждать ни черта хорошего, босс вызывал нечасто и, как правило, чтобы повесить на Диму тухлое дело. Шагая по коридору в сторону приемной, Радченко с тоской думал, что отпуск, возможно, не состоится, потому что...

* * *

Джейн проснулась с тяжелой головой. В крошечное окошко под потолком попадал солнечный свет, но в комнате царил полумрак. Отбросив в сторону тяжелое ватное одеяло, она поднялась с подстилки. Прошла через две тесные, заставленные какой-то рухлядью коморки, попала в темный коридор, затем оказалась в большой комнате, где устроили вчерашние сиделки.

У окна на земляном полу валялась керосиновая лампа с закопченным стеклом, на боку лежали две пиалы и глиняный кувшин. Джейн вышла во двор, минуту постояла, дожидаясь, когда глаза привыкнут к ослепительному свету солнца.

Посередине двора возле машины болтался взад-вперед как маятник Рахат Садыков. Иногда он останавливался, сплевывал сквозь зубы и снова принимался мерить шагами пространство двора. За время поездки белая «Волга» сделалась темно-серой от пыли. И еще: с правой стороны под днище машины были подложены деревянные чурбаны, на каких рубят дрова. Колес на машине не было.

– В чем проблема? – спросила Джейн, хотя понимала, что случилось едва ли не худшее из того, что могло случиться. – Где хозяева?

– Хозяев нет. Съехали в самое глухое время суток, под утро. Но предварительно обчистили машину. Вскрыли багажник и забрали все, что там было. Погрузили на арбу. Если помните, вечером тут стояла телега на двух колесах. Рюкзаки с едой, ваши вещи, охотничий карабин... Взяли даже запасное колесо, да еще три отвинтили. Доберутся до трассы – продадут. Одно колесо не тронули – на нем гайки с секретом.

Джейн заглянула в раскрытый багажник. Нет дорожной сумки с вещами. А ведь там, среди тряпок, спутниковый телефон и запасные аккумуляторы к нему. Через эту штуку она могла, где бы ни находилась, связаться с любой частью света. С помощью приемника GPS, можно определить свое положение на местности. Черт побери... Она обещала каждое утро звонить Чарли в Москву, – это железный уговор. Нет ее звонка – и Чарли объявляет Джейн в розыск – таков уговор. Еще в сумке были деньги, личные вещи, несколько фотографий.

– Что-нибудь нам оставили? – спросила она.

– Пару канистр с питьевой водой, – вздохнул Садыков. – Видно, для них в арбе места не хватило. Еще пистолет и две обоймы. Ствол я спрятал в салоне под сиденьем, так спрятал, что никто не найдет. Немного денег – тоже из моей заначки в салоне. И пять пачек сигарет в бардачке завалились. Слава всевышнему, документы целы. Потому что на ночь я штанов не снимал.

– Значит, мы никуда не едем?

– На одном колесе я ездить не умею, – кивнул Садыков. – Черт, нарвались на воров. Одно утешение, что нам сонным головы не отрезали, что живыми проснулись.

– Но вы же сказали, что знаете этого человека. И вдруг такое...

– Я знал человека, знатного чабана, который жил в этом доме. А этого черта вчера первый раз увидел. Он назвался братом моего знакомого. Говорит, с семьей тут проживаю. Ну, временно. Если хочешь – переночуй. Я и согласился.

– Ну, а где же тогда ваш знатный чабан?

– Может, прирезали его, да схоронили на заднем дворе. Почему я знаю. Тут народ такой – бедовый. Только и смотрят, кого бы обворовать или грохнуть. За копейку кровь пустят. Гад на гаде сидит. Сволочь на сволоче. Да... Такой уж тут народ, мать его в корень.

– Вчера вы говорили другие слова. Люди на вес золота и все такое.

– То вчера было, – вздохнул Садыков. – Хозяин подмешал в чай какой-то заразы, чтобы мы спали без задних ног. И вся эта святая семейка сделала дела и свалила в туман. Дочь у него на выданье. Тьфу, что б тебя...

Джейн, покопавшись в салоне автомобиля, достала дорожный атлас, старый, затертый до дыр. Некоторых страниц не хватало, другие были порваны, покрыты жирными пятнами, будто в них заворачивали пирожки. Джейн провозилась минут десять, определяя, где они находятся, где Ташкент, а где недостроенная фабрика. Вроде бы выходило, что дорога к фабрике раза в три ближе обратной дороги в город. Ну, грубо говоря, до цели километров сорок.

Правда, путь лежит не напрямик, а извилистой дорогой. Значит, надо накинуть еще двадцать верст. Возвращаться в Ташкент, чтобы разжиться транспортом и приехать сюда снова, нет смысла. Надо добраться до цели, сделать дело и вернуться. Джейн закрыла атлас, присела на камень и вопросительно посмотрела на Садыкова.

– Нет, нет и нет, – ответил Садыков на ее немой вопрос. – Если я брошу тут машину, от нее ничего не останется. «Волга» стоит баксов пятьсот, а то и тысячу. Кроме того, путь неблизкий. И опасный. В предгорьях и на равнине попадаются вооруженные бандиты. И умирать за жалкие копейки, что мне платят, не хочется.

– Успокойтесь, Рахат. С нас нечего взять.

– Захотят – возьмут. Вас определяют в дом терпимости. Прикуют цепью к кровати. И любой солдат, шофер или пастух за несколько рваных рублей сможет немного того...

Рахат сделал неприличный жест.

– Ну, вам бояться нечего, – ответила Джейн. – В публичный дом вас не определяют. И к кровати не прикуют. Рискую только я.

– Меня прикуют к тачке. И буду я строить дом для какого-нибудь местного авторитета. И есть два раза в день жидкую похлебку из костей и кукурузы. А когда силы кончатся, когда я не смогу больше работать, – пристрелят. И прикуют к тачке другого путешественника.

– Еще вчера вы казались мне смелым мужчиной. Давайте так. Я даю вам пятьсот баксов за эта рухлядь, ну, вашу «Волгу». И плачу сто долларов в день. Такие условия вас устраивают?

– Устраивают, – не задумываясь ответил Садыков. – Если платишь наликком. Никаких там расписок и прочей муры.

Джейн сняла ветровку, вывернув ее наизнанку, надорвала подкладку. Вытащила из-под нее скрученные в трубочку и перехваченные резинкой деньги, купюры новые, по сто и по пятьдесят долларов.

– Вот, возьмите. Пять сотен за «Волгу». Две сотни – аванс за работу. К концу месяца вы станете, по здешним меркам, обеспеченным человеком.

– Если не подохну.

– Перестаньте хныкать, вы не девица из пансиона. А если что-то не нравится, гоните деньги назад. А теперь отправляйтесь в аул. Узнайте, можно ли здесь купить другую машину.

* * *

Садыков пошел в сторону домов, что прилепились к склону холма. Рахат медленно шагал вверх по дороге, солнце палило нещадно, а ветер гнал навстречу облака рыжей пыли. Белый выходной костюм превратился в нищенские лохмотья неопределенного цвета. Штаны вздулись на коленях, а пиджак, потерявший форму, сваливался с плеч. Рубашка цвета морской волны прилипла к спине.

К полудню он обошел все двадцать два двора, вернулся обратно и доложил, что в селе встретились всего человек пять, и те старики. Колеса хоть для «Волги» хоть для трактора достать негде. Потому что техники на весь аул – одна двухколесная тележка. Из тягловой силы – пара ишаков и пегая лошадь, хворая и старая. Ишаки тоже старые. На них от ручья в аул воду возят.

– Тогда выберете лучшую тягловую силу и купите тележку, – сказала Джейн. – Надо трогаться. А то мы тут загостились.

* * *

Хозяин адвокатской фирмы Полозов с чувством потряс ладонь Димы, усадил его за стол для посетителей. Сам напротив, словно хотел подчеркнуть, что он человек широких либеральных взглядов и нос не задирает.

– В отпуск собрался? И куда, интересно?

– На Канары, может быть, – Радченко уже догадался, что никуда не едет и не летит, а придется ему все лето глотать московскую пыль. – Жена на Канарах не была...

– Если не была, тогда объясни ей, что там делать нечего – просто паршивая дорогушная помойка с красивым названием, – махнул рукой Полозов. – Маленький каменистый островок на задворках Европы. На прошлые майские праздники поехал туда с одной подругой... Короче, погода испортилась, шел дождь. Познакомился с русскими туристами. Пили водку, резались в карты и ждали, когда дождь кончится. Летом там жарница, как в аду. Повсюду камни, которые раскаляются на солнце. Одно спасения – водка. Лично я больше туда ни ногой.

Юрий Семенович повертел в руках большой почтовый конверт, в который были вложены несколько страниц убористого текста.

– Короче, услуга за услугу. Я избавлю тебя от мучения под названием Канары. А ты разберешься с одним делом, – увидев, как вытянулось лицо подчиненного, Полозов продолжал скучным голосом. – Для тебя это так... Семечки. Ты уже слышал про американку, которой наша доблестная милиция может пришить обвинение в убийстве? И хорошо. И отлично. Значит, мне не придется все объяснять с самого начала.

– Хорошо, – повторил Радченко и подумал, что на самом деле все так плохо, что хуже некуда.

– Кстати, кто именно рассказал эту историю?

– Все на уровне слухов. Но одно я усвоил: эта дамочка, то есть аудиторская фирма «Хьюз и Голдсмит», на которую Джейн работает, заключила договор с нашей конторой. По договору мы обязаны следить за тем, чтобы на американцев пылинки не упала. Комплексное обслуживание. Поддержка бизнеса и всякое такое. Кроме того, мы обязаны вытаскивать американцев из разных переделок, в том числе криминальных, если таковые случатся. Но моя специализация – уголовное право, а клиентура – частные индивидуумы, а не иностранные организации.

– Тут я решаю, кто чем занимается, – в голосе Полозова послышались нотки раздражения. – Послушай, Дима. Парни, чей интеллектуальный коэффициент на двадцать баллов ниже твоего – уже заслуженные адвокаты, их гонорары зашкаливают. А ты до сих пор перебиваешься с хлеба на водку. Потому что высказываешься в то время, когда лучше промолчать. И молчишь, когда надо сказать. Ты плохо отзывался о начальстве, о моих партнерах. Отозвался в таких выражениях, которые можно услышать только в привокзальной пивной. Даже я, третий мужик, такие слова не стану повторять.

– В тот вечер на банкете я немного перебрал... Случайно сорвалось. А вам уже стукнули?

– Мои симпатии на твоей стороне, Дима. В этой конторе я начальник, но у меня есть компаньоны, совладельцы фирмы. Егоров и Ивашов, которых ты походя оскорбил. Им твои словесные упражнения очень не понравились. У нас состоялся разговор. Они настаивали на серьезных санкциях – вплоть до увольнения. Но я тебя отстоял.

Радченко подумал, что Егоров и Ивашов наверняка знать ничего не знают о том, как Дима отозвался о них на банкете. Кто-то из сослуживцев написал донос на Диму, такое иногда случается. Начальник прочитал бумажку и выбросил ее в корзину. И теперь разыгрывает из себя благородного спасителя. Это у Полозова стиль руководства такой. Сначала пугнет, а потом даст шанс исправиться. Впрочем, тут обижаться не на кого, сам виноват. Надо следить за тем, что болтаешь.

– Дело этой американки – твой звездный билет, – продолжал Полозов. – Вытащишь ее из паршивой истории – станешь партнером фирмы. Со всеми вытекающими. Оклад, надбавки, – это своим порядком. Главное – статус. Положение в обществе, – это, друг мой, не последнее дерьмо. Тебе ведь тридцать пять?

– Было. В прошлом году.

– Я же говорю – пора расти, – Полозов позволил себе улыбку. – Нужно громкое дело, на котором можно подняться. И тогда сам тебя рекомендую. В ином случае меня не поймут.

Начальник вытащил из конверта несколько цветных фотографий размером с книжную страничку. На карточках – женщина лет тридцати. Каштановые волосы до плеч, синие глаза смотрят в объектив с легким удивлением. Прямой короткий нос, чувственные губы. Под деловым костюмом угадывается весьма привлекательная фигурка. У дамочки есть все, что надо для того, чтобы сделаться фотомodelью, но она выбрала в жизни другую стезю.

– Симпатичная девочка эта Джейн, – сказал Полозов. – Она уже успела овдоветь, есть ребенок. Говорят, чистый ангелочек. Впрочем, насколько я знаю, так говорят обо всех детях. Опытная, обольстительная. Я бы за такой – в огонь и в воду. Но годы берут свое. Мужики моего типа, неспортивные, страдающие излишним весом, наверняка не в ее вкусе. А у тебя есть хороший шанс. Жене, ничего не рассказывай, иначе... Впрочем, сам знаешь, как вести себя в таких случаях.

– В каких случаях? – удивился Радченко.

– Ну, в случаях измены... Я сам пережил два развода. Ума хватило детей не заводить. И вызубрил железное правило: институт брака основан на принципе: ты ничего не знаешь, и я ничего не знаю. Плохо, когда все наоборот. Тогда брак кончается.

– Я не изменяю жене, – покачал головой Радченко. – И не собираюсь этого делать.

Начальник, недоверчиво усмехнувшись, протянул Диме конверт, мол, в нем вся информация, что удалось собрать.

– Облагаться нельзя, – проворчал Полозов. – Потеряем этого клиента, вслед за ним могут уйти и другие богатые иностранцы. Теперь слушай. Наша подопечная вылетела на несколько дней в Таджикистан. И пропала. С концами...

– Я-то думал, весь сыр-бор из-за того трупа, найденного в машине Джейн.

– Сейчас мы говорим о том, что Джейн исчезла. Она не звонила в Москву уже два или три дня. В московском представительстве «Хьюз и Голдсмит» утверждают, что в аэропорту Душанбе Джейн встретил представитель фирмы «Васта», некий Садыков. Он устроил нашу путешественницу в какую-то гостиницу. А вот в какую точно, выяснишь ты, на месте.

– А у этого Садыкова спросить нельзя?

– Вот ты и спросишь. Когда его найдешь. Этот кадр пропал вместе с Джейн. Выехали из города и тю-тю. Американцы очень обеспокоены. Требуют, чтобы мы вмешались, нашли дамочку и доставили ее в Москву. На твое имя заказан билет до Ташкента.

– Последний вопрос: почему именно я?

– Ты уже занимался подобными делами. Находил живыми людей, которых все считали мертвыми. Я бы мог послать на место пяток крепких парней, которые работают методом лома и динамита. Но не уверен, что этот вариант подходит. А у тебя есть нюх, мозги на месте. Многие из моих адвокатов в твоем возрасте выглядят пятидесятилетними дядьками. Лишний вес, живот... Свободное время проводят на диване. О существовании спорта только догадываются. Потому что изредка смотрят по телеку футбол. А ты, ты совсем другое дело...

– Я понял вашу мысль, – Радченко не хотелось слушать то, что он слышал уже раз десять. Но Полозова трудно остановить, если он сам того не захочет.

– В армии ты прошел подготовку в подразделениях специального назначения морской пехоты. Прыжки с парашютом, марш-броски, ты освоил все виды оружия и прочее и прочее. Отличные характеристики командования. Принимал участие в локальных конфликтах. Ты не потерял спортивную форму. Посещаешь тренажерный зал, стрелковый клуб. Я надеюсь, что в командировке тебе не придется стрелять в людей или душить голыми руками какого-нибудь подлеца. Старайся избегать стычек с местными парнями. И помни: умение быстро бегать спасло жизнь многим хорошим людям. Кстати, у тебя есть еще одно ценное качество – ты везучий. Ну вот, я в своем репертуаре. Наговорил тебе столько комплиментов, что сам покраснел. А ты не задирай носа.

– Не буду, – Дима поднялся из-за стола и пожал протянутую руку.

– Кстати, смени костюмчик, – улыбнулся Полозов. – А то вид у тебя такой, будто ты собрался переехать на постоянное жительство в Польшу. Или наоборот. Только вчера приехал из Польши. В качестве беженца. Известному московскому адвокату ходить в таких тряпках просто неприлично. А ты, как я понял, по-прежнему тратишь все деньги на свои мотоциклы?

Радченко молча кивнул, понимая, что Полозов, возможно, знает о нем больше, чем Дима знает о самом себе. Это тоже фирменный стиль руководства. Минуту Юрий Семенович внимательно разглядывал кислую физиономию подчиненного, не зная, чем бы его ободрить. И сморозил очередную двусмысленность.

– Наверное, застоялся без настоящего дела. А тут такая женщина. Найди ее, а там уж... Там уж по обстановке.

Глава пятая

Хозяин фирмы «Васта» Станислав Рогов глядел в окно рабочего кабинета и тосковал душой, потому что вчера сделал ставку в подпольном тотализаторе и проиграл. Деньги невелики, но, как показывает опыт, за проигрышем в тотализатор или в карты частенько следует другая неудача, покрупнее. И точно: с утра позвонил милицейский майор с Петровки, назвался Юрием Девяткиным и сказал, что надо встретиться, желательно в ближайшие дни. О чем пойдет разговор, – мент не пояснил, сказал в ответ двусмысленность, похожую на угрозу и бросил трубку.

Стас обзвонил знакомых, имеющих выходы на ГУДВ Москвы, объяснил ситуацию: какой-то паршивый майор натурально портит ему кровь. Стас Рогов – в мире бизнеса уважаемый человек, а тут какой-то жалкий мент угрожает. Нельзя ли сделать так, чтобы он заткнулся и навсегда исчез с горизонта. Знакомые обещали навести справки и перезвонить. И слово сдержали: к обеду Стас наглотался неприятных новостей.

До его сведения довели, что с майором надо решить вопрос спокойно, без жалоб начальству и попыток сунуть взятку – иначе хуже себе сделаешь. Девяткин человек, с которым лучше не связываться, на дороге у него не вставать. Вспоминают давний случай, когда он, в ту пору еще капитан, в ходе допроса искалечил одного коммерсанта, подозреваемого в убийстве. Натурально отделал беднягу так, что бизнесмен два месяца не мог без посторонней помощи шнурки на ботинках завязать.

Пострадавший оказался человеком со связями, в итоге Девяткину предложили на выбор два варианта: или почетная ссылка в захолустный город или рапорт на стол. И увольнение из милиции. Девяткин выбрал первый вариант и через два-три года вернулся в Москву, но уже майором. Видно в провинции он очень старался не потерять квалификацию: наверняка из его кабинета вынесли вперед ногами двух-трех бизнесменов. А в Москве заметили и оценили такое рвение. Среди бандитов его считают честным ментом, которого нельзя купить.

А тот бизнесмен, который отправил Девяткина в ссылку, погиб при невыясненных обстоятельствах. Труп с ножевыми ранениями нашли в какой-то лесополосе под Москвой.

– Может, заранее справить себе деревянный бушлат? – спросил вслух Стас и подумал, что шутка несмешная. – Или мента этого заказать?

– Чего? – переспросил Александр Шатун. Он склонился над шахматной доской, разыгрывая партию сам с собой.

– Я говорю: они приехали, – отозвался Рогов.

Шатун поднялся и подошел к окну. Он видел, как наискосок от офиса, на другой стороне переулка остановилась «ауди». С водительского места выбралась дама в легком синем плаще и темных, не для дождливой погоды очках. Переднюю пассажирскую дверцу распахнул подросток, одетый не в джинсы и линялую толстовку с воротом на «молнии», а в костюм, полосатый галстук и темные ботинки из лакированной кожи. В руке он держал палку с серебряным набалдашником. Мамочка взяла сына за руку и перевела через дорогу.

– Надо же: без адвоката явилась, – сказал Шатун. – Ты выйдешь к ним или...

– Выйду, – ответил Рогов. – А то вдруг эта стерва решит, что я от нее прячусь. Или еще какую глупость придумает. Не знаю, какие мысли зреют в этой куриной башке, под этим узким лбом. Господи, как же меня достала эта змея.

* * *

Через минуту Стас Рогов вышел в пустой коридор, застеленный красной ковровой дорожкой. В углах и нишах были расставлены мраморные купидоны, державшие в руках вовсе не луки и стрелы, а бронзовые светильники. Купидоны были упитанные, кровь с молоком. Эти мальчики с порочными физиономиями, своим обликом никак не вязались с офисным помещением, где люди не предаются плотским утехам, а делают деньги.

Рогов спустился на полпролета лестницы, принял плащ из рук женщины, а подростка похлопал по плечу.

– Господи, Лидка, я так рад тебя видеть, – сказал он, стараясь заглянуть в глаза дамы, но видел только свое отражение в темных стеклах очков, закрывающих пол-лица. – Отлично выглядишь. Цветешь и пахнешь. Молодец, ты всегда следила за собой. Спортивных зал, массаж и всякое такое. А тут сидишь в кабинете обрастаешь жиром. Жуешь несъедобные бутерброды из ближней забегаловки. И гадаешь про себя: когда ждать инфаркта? Уже в этом году? Или в следующем?

Он засмеялся, бросил плащ Шатуну, застывшему полупоклоне, сам подхватил женщину под локоть и, что-то нашептывая ей в ухо, потащил дальше по коридору. Остановился перед дальней дубовой дверью, на которой виднелись остатки пластилина и оттиск казенной печати. Когда партнер Рогова, совладелец фирмы Васька Ивченко, год назад утонул во время купания, сотрудники прокуратуры провели здесь обыск, изъяли деловые бумаги, а кабинет опечатали. Документы вернули через неделю, а через месяц сняли печати с кабинета.

– Я знаю, как тебе трудно, – Стас вставил ключ в замочную скважину и повернул его дважды. – Ты долго не могла найти в себе силы, чтобы приехать сюда. Потому что побывать в кабинете Васьки все равно, что увидеть его живого. Я сделал так, что никто не переступал порога, не открыл дверь до того, как это сделаешь ты. И я рад, Лида, что ты здесь.

Женщина сняла очка, и Стас увидел заплаканные глаза, крупную слезинку, повисшую на реснице. Взгляд не был враждебным. И на том спасибо. Стас со злорадством подумал, что вдова бывшего компаньона выглядит так, будто сама явилась с того света. Бледное отечное лицо, худая цыплячья шея, платье, черное с белым, ей совсем не идет. И Юра, сын Васьки, одетый в этот дурацкий костюмчик, с этой палкой в руке, смотрится как-то дико. Будто ему не двенадцать, а все пятьдесят лет.

Говорили, что мальчика дважды оперировали в швейцарской клинике. И нужна третья операция. Что ж, возможно, иностранные медики помогут. Да, да... Помогут парню прибраться. Потому что в этом лучшем из миров Юре нечего делать. Со своей бледной физиономией, палкой и болезнью крови, он здесь – чужой. Тут любят здоровых и богатых.

– Еще минуточку, – сказал Стас. – Хочу, чтобы ты услышала это сейчас от меня. Итак: я по-прежнему хорошо к тебе отношусь. И твой сын для меня, как родной. Да, у нас с тобой имущественный спор. Исход дела решит независимая экспертиза. «Хьюз и Голдсмит» – солидное имя, им можно доверять. Ты сама выбрала этих аудиторов. Имущество фирмы будет поделено ровно пополам. Но этот чертов спор не мешает нам оставаться друзьями. Ведь так?

– Сейчас я не хочу говорить об этом, – Лида поджала губы. – Когда угодно, но только не сейчас.

– А что с Юркой? – Стас легко похлопал парня по плечу. – Что там лепечут так называемые светила от медицины? Просят финансовых инъекций?

– Говорят, что операция будет стоить дорого. А восстановительный курс лечения – еще дороже. Понадобится много денег.

– Я понимаю, – скорбно кивнул Стас. – Аудиторы скоро приготовят заключение. Я не стану оспаривать его в суде, даже если оно мне не понравится. Ты получишь столько, сколько положено. И ни копейки меньше.

Сейчас вдова покойного компаньона, не появлявшаяся здесь с момента его смерти, стояла в коридоре, по эту сторону порога. И, кажется, не слышала Рогова. Она не решалась открыть дверь. За нее это сделал Стас Рогов. Пропустив гостей в кабинет, он сказал, что они могут взять любые вещи на память об отце и муже. То, что не увезут сразу, позже упакует привезет сам Стас.

Он в кабинет не вошел, присел на кушетку в коридоре.

– Они нарожают уродов, а я буду платить за лечение, – прошептал он себе под нос. – Вот жизнь. Собачья... Хуже собачьей.

Через полчаса посетители ушли, Стас с облегчением вздохнул. Попросил Шатуна распечатать бутылку хорошего коньяка и выпил сто пятьдесят, потому что голова болела просто безумно.

* * *

Садыков привел из аула мерина со странным именем Погост, запряженного в телегу на двух колесах. Мерин был старым, с провисшей спиной и костлявыми боками. И повозка ненювая. Но на деревянные колеса кто-то из местных умельцев приделал стертые до корда автомобильные протекторы, поэтому ход телеги оказался ровным.

Вместо спальных мешков подойдут две плюшевые скатерти и пара джутовых мешков. Еще Садыков купил немного вяленого мяса, пшенной крупы и котелок. Разжился милицеевскими штанами, сапогами, поношенными, но без дырок, рубахой защитного цвета и плеткой с тремя хвостами из сыромятной кожи. Сбросив с себя негодный костюм и переодевшись, он стал похож на отставного милиционера, который вместе с женой странствует в поисках лучшей жизни.

Садыков загрузил питьевую воду и продукты в телегу, забрался на козлы и взялся за вожжи. Повозка закрипела и тронулась, Джейн, схватившись за железную скобу, забралась в нее на ходу, надела на голову панаму с широкими полями, спасавшую от солнца, и решила про себя, что все не так уж плохо. Они с Садыковым живы, – это главное. До места как-нибудь доберутся, а там дел немного.

Она листала автомобильный атлас, стараясь найти ту пустынную и пыльную дорогу, по которой они сейчас тащатся. Но дорога не была обозначена в книжечке, хотя в кратком предисловии, составленном авторами атласа, говорилось, что в этом новом издании устранены ранее допущенные недостатки. Время от времени, Садыков погонял лошадь и покрикивал:

– Ну, пошел, зараза. Совсем мертвый достался. Надо его мало-мало погонять. А то прямо на дороге околеет.

Мерин прибавлял шаг, но потом снова замедлял ход, норовил свернуть направо. Садыков работал вожжами, придавая Погосту правильное направление. Выбившись из сил, брался за плетку. Через час Садыков, совсем измучившись, остановил повозку, осмотрел копыта мерина: подковы не треснули и не отлетели. Упряжь в порядке. Но тут выяснилось, что у Погоста бельмо на левом глазу. Оттого он и ходит странно, кругами.

Садыков воскресил в памяти образ продавца лошади, согбенного плешивого старика в полосатом халате. Обложил его отборным матом, потряс в воздухе плеткой и богу пообещал удавить обманщика на обратной дороге. Выпустив пар, залез на козлы и сказал, что хорошей дороги со слепой лошадей все равно не будет. А будут одни беды и несчастья.

– Что предлагаешь? – спросила Джейн.

Садыков ответил, что проехали уже несколько километров, впереди, по словам старика, продавшего лошадь, – арык. Вода там чистая, как слеза матери, и сладкая, как горная роса. Вокруг растут деревья и кустарник, даже зеленая трава есть. Золотое место для отдыха. Ляжешь в эту траву, как на пуховой перине отдохнешь. В свое время, Садыков бывал возле арыка, местность хорошо помнит. Там устроят привал, отдохнут дотемна. И снова в дорогу.

Он хлестнул Погоста, повозка затряслась на камнях. Сейчас дорога шла в гору, солнце медленно опускалось, в лицо дул горячий ветер. Когда дорога пошла вниз, Погост ожил, побежал скорее, даже подгонять не надо.

– Ходкая лошадь, – оборачиваясь, крикнул Садыков. – Хоть и слепая на один глаз, а копытами мало-мало перебирает. Чувствует, что вода близко.

На развилке они не увидели придорожного камня, значит, и арыка никакого поблизости нет. Дорога спустилась вниз с холма, петляя, пролегла через плоскую, как блюдце равнину. По грунтовке, усыпанной мелкими камушками, не ездили давно, едва заметную колею занесло песком и, кажется, что дороги тут вовсе нет. Но вот снова на песке проступал след автомобильных колес, уводящий вдаль, к другим холмам, и снова появлялась надежда, – выберемся.

* * *

Девяткин потратил трое суток на поиски Жоры Тоста и его возлюбленной Людмилы Зенчук. Были проверены притоны и катраны, где в последнее время засветился Жора. Нештатные милицейские осведомители получили соответствующую ориентировку.

Один стукач из блатных якобы видел Жору на станции Удельная под Москвой в прошлый понедельник. Другой осведомитель, что интересно, в то же самый день и почти в то же время, что и первый, столкнулся с Жорой на выходе из метро Беговая. И даже вежливо поздоровался, но Жора, не ответив, растворился в толпе. К четвергу Девяткину стало ясно, что поиски зашли в тупик. Поразмыслив, он решил, что настало время познакомиться с человеком, у которого Тост покупал героин.

Продавца дури Леонида Савельева, он же Савелий, решили брать в тихом ресторане «Комета», куда он дважды в неделю заворачивал отдохнуть. Здесь оборудовали два небольших обеденных зала, в задней пристройке помещалась бильярдная на три стола и комната для своих проверенных клиентов, где можно, сделав приличную ставку, сыграть в карты.

Ровно в одиннадцать вечера «ягуар» Савелия подъехал к главному входу в заведение. Девяткин, устроившись в салоне служебного микроавтобуса, припаркованного на другой стороне улицы, наблюдал за происходящим через затемненное стекло.

На высоком крыльце под светящейся вывеской, гордо выпрямив спину, стоял швейцар. Это был немолодой оперативник, которого свои ребята называли дядей Колей. Одетый в синий френч, расшитый золотой тесьмой, брюки с лампасами и картуз с кокардой, он выглядел торжественно, словно генерал перед началом большого наступления.

Дядя Коля с неожиданным для его лет проворством подскочил к задней дверце «ягуара» и распахнул ее. Из салона выбрался дюжий парень в темном костюме, светлой рубашке и желтым галстуке, расшитым гербами несуществующих государств. Швейцар раскрыл над головой Савелия черный купол зонта.

Следом за хозяином из машины вылезли еще два персонажа: водитель, человек невысокого роста, возивший и охранявший Савелия последний год вместо прежнего водителя, погибшего во время неудачного покушения на босса. Второй парень, напротив, был долговязым и стройным, по непроверенным данным, это некий Фома обладатель черного пояса по карате. Оба охранника были вооружены крупнокалиберными пистолетами.

Швейцар, взбежал по ступенькам вслед за Савелием, распахнул дверь, пропуская его вперед. А сам замешкался на пороге, пытаясь закрыть огромный зонт, который почему-то никак

не хотел закрываться. Швейцар широкой спиной закрывал подход к двери. Он что-то говорил и все дергал и дергал замок зонтика. На десять секунд оба охранника оказались отрезанными от босса.

Савелий, миновал тесное пространство между двумя дубовыми дверями со вставками из толстого полированного стекла. И, оказавшись в гардеробе, оглянулся назад, но не увидел охрану.

Он не успел удивиться или почувствовать опасность, только машинально отметил, как со стула, стоявшего в двух шагах от него, у двери, поднялся плотный высокий мужчина с синяком под глазом. В следующее мгновение старший лейтенант Лебедев бросился вперед, повис на спине Савелия, сдавил шею левой рукой, правой пятерней вытащил из-под ремня противника и бросил на пол пистолет. Два других оперативники, возникшие ниоткуда, набросились спереди.

– Не двигаться, – крикнул кто-то в самое ухо Савелия. – Лежать, тварь.

Савелий вскрикнул от боли, когда заломили руки, вывернув кисти до треска в костях. И, падая, выставил вперед плечо, чтобы защитить лицо от удара о каменный пол. Через пять секунд он почувствовал, как запястья сдавили стальные браслеты, кто-то уперся костистой коленкой в позвоночник чуть выше поясницы. Оперативник намотал на запястье галстук Савелия и потянул на себя, сдавливая шею этой удавкой.

– Слышь, больно, – прошептал Савелий. – Пусти...

– Потерпи, братан.

Добродушно ответил невидимый противник, сидевший на спине. Человек рассмеялся и припечатал шею Савелия тяжелым кулаком по шее, а потом навернул в ухо.

В это время два охранника Савелия уже лежали на мокром асфальте у ресторана. Руки скованны браслетами, ноги широко расставлены. Охранникам удалось подняться на крыльцо и сдвинуть швейцара в сторону, но порог ресторана они не переступили. Откуда-то из темноты налетели мужчины в штатском, сбили с ног, разоружили. Повалили на ступени и поволокли вниз. По-прежнему моросил дождь, тускло светил фонарь, а пешеходов вокруг не было видно.

Девяткин вышел из автобуса, перешел улицу. Не задерживаясь на тротуаре, поднялся по ступенькам, вошел в гардероб.

Савелия, немного помятого, поставили на ноги и дали ему отдышаться. Он глянул в лицо Девяткина и подумал, что сегодня неудачный день. При себе Савелий не имел ни грамма дури. Своих клиентов наркоманов, с которыми имел дело в прежние времена, когда был уличным толкачом, а не оптовым продавцом, искренне презирал, не считал за людей.

– Мне нужен адвокат, – сказал Савелий и подумал, что в ответ на свою просьбу наверняка получит кулаком по морде.

– Будет адвокат, – неожиданно пообещал Девяткин и потрещал Савелия ладонью по щеке. – Но сначала придется потолковать без посторонних. Это в твоих интересах.

– В моих интересах увидеть адвоката, – упрямо повторил Савелий. – Прямо сейчас. Прямо здесь. Иначе я с места не двинусь...

И все-таки он схлопотал по носу и надолго замолчал.

* * *

Чарли Хейнс, глава представительства консалтинговой фирмы «Хьюз и Голдсмит» в Москве, оказался видным мужчиной лет сорока. Когда Дима Радченко пожимал его руку, то отметил, что собеседник не бумажная душа, засохшая в кабинете, словно фикус в кадке. Заметно, что Чарли посещает спортивный зал.

Радченко угадал: сердце Чарли с юности было отдано спорту. Сейчас Хейнс страдал оттого, что в небольшом рабочем кабинете не находил выхода своей кипучей энергии. Время от времени он поглядывал на часы, дожидаясь, когда рабочий день кончится. И можно будет

оправиться в бассейн, а потом хорошенько поужинать. Но до конца рабочего дня было еще далеко.

– Наш эксперт, Джейн Тони Майси, очень хороший востребованный специалист, – Чарли Хейнс говорил по-английски, перебрасывая из руки в руку бейсбольный мяч. И вопросительно поглядывал на Радченко, улавливает ли гость смысл сказанного. Дима, развалившись в кресле, кивал головой, мол, я все мотаю на ус.

– Она на хорошем счету. Специализация – оценка объектов недвижимости и земельных участков, – Чарли подбросил мячик к потолку и поймал его. – Она хорошо знает русский язык, не то, что я. За два последних года пять раз была в России в краткосрочных командировках. Видели ее фото? Интересная женщина. Мы составили для вас что-то вроде расширенной справки о Джейн.

– Я уже прочитал бумаги, – кивнул Радченко. – Все очень толково. Итак, я попробую изложить суть дела, как я его понял. А вы меня поправьте, если что не так. «Хьюз и Голдсмит» работала по договору с компанией «Васта», что есть сокращение двух имен Василий и Станислав. Так зовут хозяев этой фирмы. Точнее, с недавнего времени, хозяином остался только Станислав Рогов. Потому что его компаньон Василий Ивченко утонул прошлым летом во время купания в реке. Вдова потребовала честно по закону разделить бизнес. Так было записано в учредительных документах: компаньоны имеют равные пай. В случае смерти одного из них, имущество переходит к ближайшим родственникам покойного. Я ничего не путаю?

– Половина бизнеса отходит родственникам, смысл именно такой, – согласился Хейнс. – Вдове и сыну покойного.

– Лидия Ивченко, вдова бизнесмена, посвящена в дела фирмы. Она рассчитывала получить как минимум около тридцати пяти миллионов долларов живыми деньгами и еще ценные бумаги на сумму порядка десяти миллионов долларов. Итого – сорок пять миллионов. Оставшийся в живых компаньон Стас Рогов и сам настаивает на честном дележе. Правильно?

В знак согласия Хейнс перебросил мячик из руки в руку.

– Сначала оценку активов «Васты» поручили русской аудиторской конторе «Константа – Плюс», – сказал Радченко. – Работа длилась около трех месяцев. Были проведены экспертизы. Оказалось, что дела «Васты» не так хороши, как рисовало воображение вдовы. Выяснилось, что Лидии отойдет всего около трех миллионов долларов. Но и эту сумму она сможет получить не сразу, а частями. В течении пяти лет.

– У вас хорошая память, – сказал Хейнс.

– Спасибо. Лидия, разумеется, не согласилась с выводами экспертов, усомнилась в их неподкупности. Она посоветовалась с адвокатом и решила привлечь для аудита независимую иностранную фирму с отличной репутацией «Хьюз и Голдсмит». Стас Рогов был не в восторге от этой идеи, но принял ее. С тем условием, что вдова возьмет на себя все расходы на оплату аудита. Женщина настаивала на обратном. Долго торговались. В конечном счете, решено оплатить счет поровну.

– Точно так, – Хейнс подбросил мячик к потолку. – Справка, что мы подготовили для вас – тридцать пять страниц текста. А вы все изложили за пять минут. Если у вас когда-нибудь возникнут проблемы с трудоустройством, могу замолвить за вас словечко. Но все эти выкладки не имеют прямого отношения к исчезновению Джейн.

– Возможно, вы правы. Но, приступая к поискам Джейн, я должен был знать, над чем она работала. Теперь вопрос: правда ли, что капитализация, то есть стоимость компании «Васта» за полгода упала в двенадцать раз.

– Это коммерческая тайна, – улыбка исчезла с лица Хейнса. – Но я получил письменное указание от одного из своих боссов. Мне предписано честно ответить на все ваши вопросы. Итак, мой ответ утвердительный. «Васта» подешевела в разы. Я работаю в России два года, тут

бывает так. Только что на столе стояла большое блюдо с мясом. Человек отвернулся на минуту. И вдруг видит вместо мяса обглоданные кости.

– А в Америке такого разве не случается? – усмехнулся Радченко.

– Случается, – Хейнс перебросил мяч из ладони в ладонь. – Но не так часто.

– Теперь второй вопрос. Кто же съел все мясо и оставил на тарелке жалкие объедки? Стас Рогов?

Чарли подумал, что с этим русским надо держать ухо востро и не болтать лишнего. Он ведь занимается поисками Джейн Майси, а не составляет трактат о деятельности его фирмы в России. Вот и пусть копает там, где должен копать, а не залезает в чужой огород.

Выходец из семьи государственных служащих, Чарли получил хорошее образование, потому что был капитаном университетской команды по бейсболу. Звезд с неба никогда не хватал, добываясь своего трудом и настойчивостью. На родине он продвигался по службе не слишком быстро и не слишком медленно – со скоростью пассажирского поезда, делавшего остановки на всех станциях без исключения.

Но теперь, он твердо это знал: двухлетняя командировка в Москву – важная, возможно, главная ступенька на лестнице его карьерного роста. Поэтому он и согласился на предложение поработать здесь. И достойно выдержал испытание. Командировка к концу. Теперь лишние неприятности, всякие там сомнительные истории, – нужны меньше всего на свете. Ставка в игре – карьера, проигрывать партию нельзя.

– Вы упрощаете проблему, – ответил Чарли. – Русский бизнес – это темный лес, где заблудится любой человек. Я не сказал: Стас Рогов украл деньги и его надо судить. Я бы выразился иначе: не без его участия были заключены некоторые сомнительные сделки. И фирма потеряла большие деньги. Да, допущены ошибки, но состав преступления, злой умысел, будет чертовски трудно доказать в суде. Пусть мои размышления вслух останутся в стенах этой комнаты. Ладно?

– Я ваш адвокат, – ответил Радченко. – Я не топлю своих клиентов в судах. Я помогаю им выплыть. Поэтому можете говорить откровенно.

– И вот еще что: не я отправил Джейн в Ташкент, у нас есть русский сотрудник, который выполнял подобные поручения. Но Джейн хотела все закончить сама. И еще одна штука: для нашей фирмы аудит «Васты» – дело мелкое. И, признаться, лично я сожалею, что начальство в Чикаго приняло такое... Такое предложение. Особенно сейчас, когда исчезла Джейн. И очень надеюсь на вашу помощь. Тем более что отношения с милицией у меня не сложились.

Чарли рассказал, что заявление о пропаже гражданки Америки принял некий майор Юрий Девяткин. Сначала он и слышать ничего не хотел о Джейн и уверял, что факт исчезновения не установлен. Возможно, Джейн вместе с любовником отдыхает где-нибудь в горах или плавает в море. Поэтому Девяткин пальцем о палец не ударит, даже не подумает хоть что-то сделать... И так далее.

Но из посольства позвонили самому большому милицейскому чину Москвы, и дело сдвинулось с мертвой точки. Заявление приняли. Из ГУВД Москвы ушел запрос в Таджикистан. Оттуда ответили, что Джейн Майси в городских гостиницах не регистрировалась, в частном секторе на постой не останавливалась, ее место нахождения не установлено. В городских ресторанах американку не видели. Тамошние сыщики запросили дополнительную информацию.

В аэропорту Джейн встречал некий Рахат Садыков, уже года два-три он работает на «Васту». Фирма в свое время хотела открыть в Таджикистане фабрику по выделке кожи, но начинание увязло в бюрократическом болоте. «Васта» купила в Ташкенте отдельно стоящий дом, оборудовала что-то вроде офиса. Там работали две женщины, сторож и сам Садыков.

Он сидит на мизерной зарплате. Бережет вверенное ему имущество и документы. И дожидается лучших времен. По отзывам, этот Садыков приличный человек, на которого можно положиться. Он взялся устроить Джейн в какую-то гостиницу и помочь ей разобраться с доку-

ментами. Но исчез вместе со своей подопечной. И следов никаких. Еще в Москве Чарли и Джейн договорились, что она будет звонить каждый день. Был только один звонок, Джейн сказала, что приступила к работе. И больше на связь не выходила.

Теперь московские и таджикские менты делают вид, что ищут американку. А сами ждут, только не поймешь чего. Возможно, информации о том, что в окрестностях Ташкента найден изуродованный до неузнаваемости труп женщины. Одежды нет, вещей нет, денег нет. Или, напротив, Джейн появится живая и невредимая. И расскажет какую-нибудь романтическую историю, похожую на сказку. Этот финал устроил бы все стороны, но чудеса случаются редко. А если и случаются, то за большие деньги. Чарли добавил, что не верит милиции. Ни московской, ни таджикской.

Он кинул бейсбольный мяч в руки своего собеседника и сказал, что это сувенир. На память. А здесь, в офисе, будут всегда рады видеть Диму, особенно, если он вернется не один, а вместе с Джейн.

Глава шестая

Ближе к вечеру завернули в незнакомый аул, проехали вдоль единственной улицы. Архитектурных излишеств не увидели: несколько одноэтажных домов, сложенных из необожженного кирпича с плоскими крышами, занесены песком по самые окна, полуразвалившиеся кошары для овец, развалившиеся сараи.

Кое-где сохранились загородки из жердей, а возле одного из домов валялась железная бочка, листы ржавого железа. Джейн сказала, что такие же кишлаки она видела три года назад в Афганистане, когда «Хьюз анд Голдсмит» работала по заказу крупной международной корпорации, в планах которой значилось строительство комбината по производству олова. Та международная корпорация, основываясь на оценках и выводах «Хьюз и Голдсмит», не стала вкладывать сотни миллионов баксов в разработку полезных ископаемых и строительство, риски потерять все оказались слишком высокими.

– И много вам заплатили? Ну, за ту поездку?

– За две недели я получила около девяти тысяч долларов. Сверх контракта. Это была срочная работа, мы подготовили все бумаги, где-то около ста страниц текста.

Садыков, присвистнул и даже выпустил вожжи из рук. Девять тысяч долларов за то, чтобы состряпать какие-то бумажки. Чистая астрономия. Мать Садыкова, умершая в прошлом году, получала ежемесячную пенсию в четырнадцать долларов. И слыла в своем ауле зажиточным человеком. Потому что такие же старухи, как она, получали того меньше.

– Почему людей не видно? – спросила Джейн. – Тут ведь не Афганистан.

– А, везде одно и то же, что в Афганистане, что у нас, – Садыков прошелся вожжей по спине Погоста, норовящего свернуть с дороги. – Сначала пропадает вода, за ней исчезают люди. Потом гибнут деревья, наконец, все съедает песок. Раньше тут все было по-другому, обещали оросительный канал подвести. Но посчитали, что это слишком дорого.

– Все наладится, – ответила Джейн. – Песок может отступать. Приходит и уходит, как море. Ну, поживем – увидим. Это русская поговорка.

– Кто доживет – тот увидит, – мрачно кивнул Садыков. – Это местная поговорка.

Дорога снова потерялась под слоем песка, а потом вдруг появилась. Садыков стеганул лошадь плеткой, чтобы бежала скорей. Через полчаса выяснилось, что дорога кончилась прямо посередине выжженной солнцем долины. Дальше поехали, выбрав направление по солнцу. Перевалили через холм и неожиданно оказались на берегу небольшой речки. Мутная желто-коричневая вода бежала вниз по равнине, теряясь среди камней. Садыков разнуздал лошадь. Раздевшись до пояса, долго сидел у речки, наблюдая за ее течением.

– Откуда здесь вода? – спросила Джейн.

– Где-то в горах прошли дожди, – ответил Рахат. – Если мало-мало проехать вниз по течению, хоть километров десять, от речки останется тонкий ручеек. Наверное, уже завтра воды здесь не будет. Так что, пользуйтесь случаем. Искушайте.

С этими словами Садыков забрался в заросли колючих кустов и там затаился.

* * *

Джейн опустилась на камень. Она подумала, что только сейчас понимает, когда началась эта история. И может связать концы с концами...

В конце марта в Атланте уже установилась летняя погода, теплый южный ветер был наполнен запахом цветущей магнолии. Джейн вышла на улицу из здания аэропорта и подумала, что весна – это вовсе не мокрое пятно между летом и зимой. Стоило прилететь на юг для того,

чтобы увидеть великолепие проснувшейся природы и вдохнуть чудесные запахи, от которых, как после доброго вина, голова шла кругом.

Возле аэропорта в компании по прокату автомобилей она за восемьдесят долларов оформила на двое суток новенький «Крайслер Пацифика». Оставив машину на стоянке у гостиницы, зарегистрировалась, получив у портье ключи от номера и талоны на бесплатный завтрак.

Она поднялась на третий этаж, прошла вдоль открытого коридора, залюбовавшись видом на цветущие деревья и ломаную линию горизонта, над которой висело большое жаркое солнце. Джейн достался обычный двухкомнатный номер с телевизором и мощным кондиционером. Звук взлетающих и заходящих на посадку самолетов здесь не слышен.

Конечно, можно было просто взять такси и отправиться в дом Майкла. Если повезет и у Мии, его матери, будет неплохое настроение, а приступы астмы прекратятся, можно найти общую тему для разговора: погода, различные рецепты приготовления яблочного пирога или успехи ее единственного сына на работе. Но жизнь полна условностей, которые, приходится соблюдать. Они с Майклом могли бы провести весь уикенд в его доме, но Миа, религиозная и ворчливая старуха, не любила, когда на ночь остаются чужие люди. К их числу она относила всех окружающих людей, включая единственную сестру Луис, темнокожую сиделку Алису и, разумеется, Джейн.

Однажды Джейн ночевала в доме семь, что на улице Блестящий ручей. Эти два дня, прожитые под одной крышей с Миа, тянулись долго и нудно, как траурная панихида в церкви. Отход ко сну сопровождал ритуал, выработанный годами. Миа принимала таблетку валиума, кормила двух кошек, выпивала полчашки зеленого чая. Прочитав молитву, ложилась в постель ровно в девять тридцать. Открывала «Унесенных ветром» или «Скарлет», глотала три страницы текста и несколько минут лежала, медленно переваривая прочитанное.

Тот единственный раз, ночь с субботы на воскресенье, когда Джейн осталась ночевать, Миа изменила своим привычкам. Она долго не могла заснуть, моталась по коридору и своей спальне, выходила на задний двор, включала свет, то в ванной, то на кухне. Пила лекарства и кашляла взахлеб. И, кажется, успокоилась далеко за полночь. А утром жаловалась на посторонние раздражающие запахи, среди которых она почувствовала табачный дух и какие-то совершенно отвратительные эфирные масла или лосьон, от которого разыгрываются приступы астмы.

Будущая свадьба сына ввергала Миа в пучину пессимизма: «Твоя первая жена оказалась блудницей. Она опозорила нашу семью. Если не будешь меня слушать, со второй женой тебе повезет и того меньше. Эта женщина торчала в нашем доме целые сутки. Она ела, пила вино и смотрела мою коллекцию посуды, но ни разу не помолилась». Джейн дала себе слово, что больше не станет досаждать своим присутствием матери Майкла. Разве что заглянет к ней на минутку, чтобы соблюсти приличия и тут же удалится.

В тот день она позвонила Майклу, спросила, когда он освободится и сказала, что немного устала, хочет поспать хотя бы полчаса. Но неожиданно передумала. Она поднялась с кровати, включила кофеварку.

С некоторым опозданием Джейн вспомнила об одном магазинчике посуды, где всегда есть изумительные тарелки ручной работы, выполненные по эскизам знаменитой художницы из Пенсильвании. Магазин довольно далеко от города, но дело того стоило. Миа тридцать пять лет собирает фарфоровые статуэтки и посуду якобы ручной работы. На открытых полках и в сервантах выставлен разный хлам, купленный по случаю в лавках старьевщиков. На самом деле Миа ничего не смыслит в коллекционировании, но тешит себя надеждой, что среди ее черепков есть поистине бесценные произведения искусства.

Джейн проехала двенадцать миль по скоростному шоссе, она думала о том, что пора налаживать отношения с матерью Майкла. При всех ее странностях Миа старуха с трудной судьбой, неудобная в общении, ворчливая. Но в отличие от многих людей у нее есть совесть и

доброе сердце. Свадьба назначена на конец сентября, а без материнского благословения никак не обойтись.

У развилки дорог Джейн увидела три железных креста, торчавших из земли. Два маленьких и один большой. Возле маленьких крестов по земле разбросаны детские игрушки, пластиковые куклы и большой медвежонок. Когда-то белый, теперь, впитав в себя дорожную пыль, он сделался серо-коричневым. Джейн отвела взгляд и подумала, что подобные железные кресты возле дорог, иногда фабричные, иногда самодельные, она видела в России. Память о погибшем водителе и его спутниках.

Три года назад два железных креста стояли на том месте, где в автокатастрофе погиб ее муж Бред и женщина, которую он вез в мотель поблизости от города. Имя женщины Джейн узнала в полицейском участке, это была лаборантка колледжа, где Бред заведовал кафедрой химии. После его похорон одна подруга сказала Джейн:

– Если бы ты поменьше моталась по командировкам и больше уделяла внимания мужу, все было бы по-другому. Он не таскался бы по мотелям с лаборантками. С молодыми потаскушками, которые твоего мизинца не стоят.

Джейн свернула с магистрали на дорогу в два ряда и ограничением скорости тридцать пять миль и снова подумала о России, когда идущая навстречу «хонда» дважды мигнула фарами. Вот оно, всемирное братство автомобилистов, значит, где-то рядом притаился полицейский, со своей пушкой, измеряющий скорость проезжающих мимо машин. И в России ей мигали фарами встречные машины, когда рядом оказывался представитель закона, караулящий нарушителей.

В магазине посуды и украшений для сада Джейн выбрала декоративную тарелку и подставку к ней. Уже вышла на порог, когда зазвонил мобильный телефон.

– Как всегда, времени не хватает, – сказал Майкл. – Свалился на голову один идиот, который собирался купить дом. Потом куда-то пропал на полгода, а вот теперь вынырнул из тины. Короче, я задержусь. Ненадолго. Жди меня в зале, за столиком.

– Но мы же хотели вместе...

– Я могу передать твоё мнение моему клиенту, – Майкл хмыкнул, – но, боюсь, что он пошлет меня подальше. И найдет другого риэлтора. Целую. И постараюсь опоздать всего на полчаса. Не скучай.

* * *

Майкл опоздал на час десять минут. Он появился в ресторанном зале, одетый в новый серо-голубой костюм, на шее однотонный бордовый галстук. Дополняли гардероб мокасины из тонкой кожи в тон костюма, надетые на босу ногу. И льняная рубашка, подобранная под галстук, светлая в бордовую полоску с декоративными дырками на груди, вокруг дырок серые пятна краски, напоминающие въевшуюся грязь.

Одежда – единственная статья расходов, на которой Майкл не сэкономил, мало того, покупал вещи, которые человек его положения не мог себе позволить. И успокаивал себя мыслью, что затраты окупаются. Покупатели домов охотнее общаются с человеком, который одевается не в стиле офисного клерка, а с крутым парнем с хорошим вкусом и без серьезных проблем в жизни. Однако, если смотреть в корень проблемы, эти рассуждения – чистая фантазия. За последнее время Майкл полностью обновил гардероб, но дела шли куда хуже, чем прежде.

– Обижаясь? – он откинул назад прядь длинных каштановых волос. – Кроешь меня последними словами?

– И не думаю.

Майкл поцеловал ее в щеку, и, раскрыв меню, быстро сделал заказ: мексиканский салат, фирменное жаркое из свинины, яблочный пирог. Карту вин читал долго, щура глаза. Он пил

только немецкое или американское вино, сладкое или полусладкое. Итальянское и французское вино называл его кислятиной, которая годится только для того, чтобы замариновать мясо. На этот раз он почему-то заказал бутылку «шабли».

– Через час к нашему застолью присоединится Александр Шатун, парень из России, – сказал Майкл. – Ну, который собирается купить дорогой особняк. Это нужно для меня. Потерпишь его немного?

– Почему бы и нет, – пожала плечами Джейн. – У меня будет случай перекинуться парой слов на русском. Ты выглядишь усталым.

– Скорее, немного разочарованным. В доме, что покупает Алекс, вчера были три комиссии: термитная, газовая и еще из местного муниципалитета. Сегодня отчеты легли на мой стол. Там куча замечаний. Чтобы продать особняк, хозяевам придется кое-что переделать в гаражах. Например, убрать оттуда самовольно установленную мойку для машины. В двух газовых каминках надо поменять горелки и подводку. Мелочи. Но этих мелочей слишком много.

– И ты из-за них так переживаешь?

– Закрытие сделки через десять дней. Хозяева не успеют устранить все недостатки. Значит, мне придется просить Алекса о переносе сроков. На неделю или на две. А у него нет времени торчать тут, в России важные дела. Выходит, надо оформлять доверенность, по которой я приобрету особняк от его имени. Возникает ощущение, что я тону в бумагах. Или уже утонул.

Это был проходной довольно скучный вечер, когда нет новостей, достойных обсуждения. На эстраде квартет черных музыкантов выдавал джазовые импровизации на темы «Вестсайдской истории». Майкл выглядел рассеянным, отвечал невпопад, пытался острить, но не слишком удачно. Казалось, его мысли витали где-то далеко, о чем бы не заходил разговор, он всегда возвращался к теме денег. Майкл заказал вторую бутылку вина и вдруг сказал, словно сам себе ответил:

– Беда в том, что совсем нет денег.

– Я могу помочь, – сказала Джейн. – О какой сумме идет речь?

– Ты задашь этот вопрос, когда я попрошу займы, но пока я ничего не просил, – он ел медленно, словно через силу, часто подливал вино в стакан. – Есть два способа достать деньги. Взять займы или украсть. Украсть лучше, чем занять. Да, во всех отношениях деньги лучше украсть. Потому что не придется возвращать долг.

– Если не шутишь – можешь украсть у меня.

– Конечно, шучу, – Майкл грустно улыбнулся. – Но всегда вспоминается одно железное правило: чем больше работаешь, тем беднее живешь.

– Майкл, после свадьбы все пойдет по-другому. Мне обещают должность, не связанную с разъездами. Это серьезное повышение по службе. А командировка в Россию – мой последний вояж. Последнее испытание. Ты переберешься в Чикаго. Там тебя ждет место в солидной риэлтерской фирме и совсем другие перспективы.

Майкл только хмыкнул.

– Спасибо, что ты, вернее, твой отец позаботились о моем трудоустройстве. Но, по советам говоря, в Чикаго меня ждет та же самая рутина. И те же комиссионные. Поиски новой сиделки для матери, хлопоты по дому. Больше всего меня пугает переезд, мы жили в Чикаго, когда я учился в колледже. Там я познакомился с твоим покойным мужем. С этим городом связана большая часть моей жизни. И жизни матери тоже. Теперь мы прочно осели на юге. Матери не понравится идеи паковать манатки и перебраться на север. Да, это будет трудный разговор.

* * *

Когда распахнулась дверь, в зале появился плотный мужчина с короткой стрижкой темных волос и пробивающейся лысиной Майкл помахал ему рукой. Алекс махнул рукой в ответ. Через большой ресторанный зал он шел вразвалочку, как моряк, списанный с корабля за пьянство. Причалив к столику, пожал руку Джейн, представился и сказал, что Майкл уже показывал фотографии своей невесты. Снимки хорошие, но, как оказалось, в жизни Джейн просто редкостная красавица.

– Чем вы занимаетесь в Атланте? – спросила Джейн по-русски.

– Стараюсь проникнуться американским духом, – улыбнулся Алекс.

– Удалось?

– Есть некоторые трудности. Но я на правильном пути. И еще стараюсь понять, почему в здешних заведениях порции такие огромные. Может быть, хозяева ресторанов хотят, чтобы посетители надорвались, передвигая тарелки по столу.

Этот русский оказался приятным мужчиной лет сорока с небольшим. Он адвокат, в Москве обширная практика, в Америке он бывает один-два раза в год, хотелось бы чаще, но дела не пускают. Сейчас покупает дом в Атланте, да что там дом, роскошный особняк в колониальном стиле. Прекрасное место, вокруг живописные холмы, на которых растут сосны и вековые дубы, обвитые диким плющом. Свой дом, о котором Алекс так долго мечтал, уютный и милый. Лучшего и желать нельзя.

Одно время Алекс подумывал о недвижимости в Лос-Анджелесе. Но жить там, где весь год стоит одна и та же погода, как-то скучно. Нью-Йорк тоже не подходит, там слишком много умных адвокатов и, если Алекс когда-нибудь надумает бросить якорь в районе Манхэттена, нью-йоркские конкуренты оставят его без куска хлеба. Шатун засмеялся, собственная шутка ему понравилась.

– А вы, кажется, работаете в компании «Хьюз и Голдсмит»? – физиономия Алекса сделалась серьезной. – Управляют ей два старых скупердяя, которые загребают деньги экскаватором, но помешаны на экономии. Зарплаты там, я слышал, невысокие.

– Мне грех жаловаться, – ответила Джейн. – Зарабатываю шестьдесят восемь тысяч в год. Плюс большие премиальные, если работа срочная или связана с риском.

– М-да, негусто, – Шатун покачал головой. Он, как и Майкл, налегал на французское вино, а ел совсем немного. – Разъезды, командировки. А в Чикаго, как я подозреваю, дом, за который вы платите в год... Сейчас угадаю. Тысяч двадцать пять или того больше. И это без учета налогов. И еще я забыл про страховку. Значит, плюсуем еще две с половиной тысячи. Точно? Плюс выплаты за новый автомобиль. У вас ведь хорошая дорогая машина. И еще, конечно же, кредит за мебель. Правильно? Только не пытайтесь обмануть адвоката, который долгие годы занимался вопросами имущественных отношений.

– Я и не пытаюсь, – Джейн захотела улыбнуться, но вышло плохо. Ей не понравилось, что посторонний человек слишком искушен в ее делах, доходах и расходах. – Майкл разболтал про мои заработки?

– Он только о вас и говорит. И еще о вашей дочери, ей четыре годика, зовут Кристиной. Она похожа на ангелочка, только крылышек не хватает. Кстати, вот еще статья расходов: на сиделку, питание и прочее, прочее. И что в сухом остатке? Сущие пустяки, мелочь на мороженое. Есть одна мысль. Случайно взбрела в голову, когда услышал, что вы отправляетесь в Россию. Если вы нуждаетесь в дополнительном заработке, так сказать без отрыва от основной работы, просто позвоните мне. Россия – это как раз то место, где зарабатывают большие деньги. Вам не придется даже ударить пальцем о палец. И ничего противозаконного, не волнуйтесь. Жду звонка...

Он протянул Джейн визитку и добавил:

– Я помогаю заработать всем своим друзьям. И не беру комиссионных.

Алекс порассуждал о том, что людям, когда они молоды и полны сил, нужно платить больше, иначе они зачахнут, как молодая травка под жарким солнцем юга. Но быстро свернул с этой темы, перешел к забавным историям из своей жизни. А потом неожиданно отклонился и ушел, сославшись на дела. Этот русский адвокат спас скучный вечер. Майкл как-то повеселел, сказал, что с этим парнем можно иметь дело и заказал еще бутылку вина.

Ужин на троих обошелся в две с половиной сотни баксов вместе с чаевыми. Портье вызвал такси, через две минуты они с Майклом уселись в «линкольн» и тронулись в сторону гостиницы. Карточка русского адвоката затерялась на дне дамской сумочки.

* * *

Ташкент встретил Диму Радченко хорошей погодой и плохими новостями.

Он оставил вещи у верного человека, которого рекомендовали в Москве, бывшего начальника складов государственного резерва, а ныне пенсионера Никиты Фомина. Старик сдавал внаем комнату в саманном доме, спрятанном в глубине абрикосового сада. Хлебнув зеленого чая, отдающего баннным веником, Радченко потолковал с хозяином о политике, подарил ему бутылку коньяка, купленную в Москве, выдал аванс за постой.

Вышел на узкую улочку, застроенную одноэтажными домами. Отмахал вниз два квартала и убедился, что поймать в городе такси – нелегко, а общественного транспорта тут, кажется, вовсе не существует. С унылым видом Радченко прошагал еще пару кварталов до рынка, и здесь сумел договориться с водителем «москвича», древней колмаги, насквозь проржавевшей, без заднего бампера и без номеров.

Объезд начали с дома Рахата Садыкова на улице академика Павлова. Высокий забор, по верху которого натянули нитки ржавой колючки, казался неприступным, если бы не сломанный замок калитки. Радченко прошел через садик на открытую веранду, постучал в дверь.

Дом заперт, ставни закрыты изнутри, из почтового ящика торчат газеты, уже пожелтевшие на солнце. На заднем дворе валяется пара стертых автомобильных покрышек, бегают куры, должно быть, соседские. Следующий визит Радченко нанес в офис компании «Васта». Тут картина и того печальнее. Судя по закопченным, подернутым паутиной окнам и покосившимся воротам, помещение пустоет долго. И человеческих следов тут не сыщешь.

Потоптавшись перед темными окнами, Радченко зашел в аптеку через улицу. Девушка продавец на отвлеченные темы поначалу разговаривать отказалась. Но как только зашуршала денежка, оживилась и сказала, что в доме напротив люди не появлялись с тех пор, как она тут работает, то есть два месяца. Один раз, правда, заехал на белой машине симпатичный мужчина в светлом костюме, такой видный из себя. Привез женщину. Эта дамочка, сразу видно, прибыла по делу и сама из начальства, а не просто так.

– Может, она просто уборщица, – выдвинул свою версию Радченко.

Девушка ответила, что немного разбирается в людях. Руки у женщины ухоженные, на пальцах золотые колечки с камушками. Перед обедом она зашла в аптеку и спросила таблеток от головной боли. Приятная женщина, но немного странная – приветливая, все время улыбалась.

– А что, в вашем городе нет приветливых людей? – искренне заинтересовался Радченко. – И никто не улыбается?

– Может, они и есть, – ответила печальная девушка. – Но мне почему-то не встречались. То есть, встречались, но редко...

Следующий этап поисков – объезд городских гостиниц, где Радченко, заплатив за информацию вперед, беседовал с кастеляншами или дежурными. Он показывал фотографии Джейн,

объяснял, что она иностранка, в республику прибыла по делу и так далее. Служащие охотно брали деньги, но ничем кроме доброго совета помочь не могли. В гостинице «Айни» сказали, что некая фирма бронировала номер для своей сотрудницы Джейн Майси, но почему-то та сотрудница не появилась.

– Наверное, побоялась ехать, – сказала русская женщина, администратор. – Нормальному человеку тут делать нечего. Все бегут отсюда, а не сюда. Одни дуры остались. Ну, вроде меня. Последний раз тут иностранец поселился в одна тысяча лохматом году. Кажется, из Германии прибыл. Командировка у него на три месяца, а прожил неделю. Потому как за это время его номер два раза обокрали. А немца избили и ограбили на перекрестке Международной и Советской улицы.

– Вот оно как, – поскреб затылок Радченко.

– Ну, вообще-то тому немцу еще повезло, – продолжила администратор. – Сейчас бы его ограбили в первый день, избили во второй. А на третий день убили. Мой тебе совет: не ищи ты по гостиницам никаких иностранцев. И сам надолго не задерживайся. А то мало ли что... Голову открутят только так, сходу. И скажут, что ты без башки родился.

Администратор велела Диме вернуться через час, за это время она обзвонит все городские гостиницы, за исключением ведомственных, а заодно наведет справки, не останавливалась ли американка у кого в доме. Радченко купил газету у разносчика, устроился на лавочке в пыльном сквере. Вскоре он точно знал, что Майси в гостиницах не засветилась, в частном секторе не регистрировалась. Оставалось проверить три ведомственные гостиницы.

Значит, есть чем занять себя вечером.

* * *

Ведомственная гостиница бывшего министерства мелиорации «Баскунчак» значилась в списке предпоследней. Радченко, усталый и голодный, уже не рассчитывал на подарки судьбы. Но старуха дежурная, сидевшая внизу за конторкой, долго разглядывала фотку Джейн и неожиданно объявила, что такая женщина тут появлялась. И сомнений никаких – она самая. Мало того, одноместный номер люкс, оплаченный за десять дней вперед, до сих пор числится за этой самой гражданкой.

Несколько дней назад она вышла на улицу, села в машину и была такова. С собой большая сумка, не иначе как собранная для дальней поездки. В номер к ней заходить не положено, и ключ Радченко не получит ни за какие деньги. А если посетитель станет приставать с вопросами, дежурная вызовет милицию.

Получив денежку, старуха немного смягчилась и сказала, что женщина эта вроде бы инженер из Москвы, зовут ее Антонина. А вот фамилия. Старуха, послушав палец, начала рыться в журнале регистраций. Ее фамилия Максимова, цель поездки – командировка.

– Жди свою Антонину, но только не у нас в помещении, на улице, – посоветовала старуха, решив, что дело тут деликатное. Пахнущее то ли большими деньгами, то ли большой любовью, – не разберешь. – Сегодня она все равно не вернется. Завтра подходи к обеду, а лучше позвони.

Старуха выставила позднего посетителя на темную пустую улицу и заперла дверь.

Ночью не спалось, во флигеле было жарко и душно, кусали мухи. Было слышно, как хозяин Никита Фомин выходит на кухню курить, а потом ворочается на своем топчане, беспрерывно кашляет.

Полутру, перекусив кукурузной лепешкой и молодым козьим сыром, Радченко вышел из дома, сел в поджидавший его «москвич» и отправился на другой конец города на улицу Строительную. Здесь, на окраине, в одном из пятиэтажных домов жил некий Сергей Сергеевич Антонов, в прошлом адвокат по уголовным делам. Он выполнял разовые поручения москов-

ской юридической фирмы «Саморуков и компаньоны», тем и кормился, потому что грошовой пенсии едва хватало на оплату квартиры.

Радченко выбрался из машины и огляделся по сторонам. Мальчишки катают по пыльной дороге резиновый мяч, под кустом алычи спит мужчина с разбитым лицом. Вокруг несколько бетонных пятиэтажек, похожих друг на друга, как близнецы. Фасады изрисованы непотребными картинками, исписаны ругательствами. Окна первых этажей заколочены досками, на балконах нет перил. В некоторых квартирах есть двери на балкон, но почему-то нет самих балконов, будто их топорами срубили.

Радченко, чувствуя, что потерял способность удивляться, отыскал нужный подъезд. Поднялся на четвертый этаж, постучал в железную дверь, на которой мелом нарисовали номер квартиры – шестнадцатый.

Глава седьмая

На следующий день река немного обмелела, но поток воды оставался слишком быстрым. Нечего думать о том, чтобы перейти на тот берег с полуслепой лошастью и повозкой. Еще один долгий жаркий день пришлось провести на берегу. Джейн закрыла голову влажным платком и легла в тени единственного на всю округу низкорослого дерева. А потом, склонившись над блокнотом, дотемна пыталась написать несколько связных строк о своих нелепых приключениях.

Возможно, навстречу попадет машина или повозка. Тогда она попросит доставить письмо до города и бросить в ящик. За эту пустяковую услугу она заплатит, сколько спросят. Первое письмо в Америку, отцу. Второе в Москву ее шефу Чарли Хейнсу.

Она складывала слова в предложения, а предложения в рассказ о событиях последних дней. Перечитав написанное, Джейн подумала, что затеяла глупость. Ее послания будут блуждать по отделениям связи, по странам и городам до бесконечности. Здесь письма идут медленнее, чем двигает копытами старый мерин Погост. И эти письма часто не находят адресата.

Кроме того, обстановка может измениться в любой момент. В лучшем случае, они окажутся на месте уже завтра, а через пару-тройку дней вернуться в Ташкент. Тогда о чем писать? Только попусту волновать отца, а Чарли посмеется над ее эпистолярным творением. Джейн вырвала из тетрадки исписанную страничку, сделала из нее кораблик и спустила его на воду. Течение подхватило бумажку, понесло, закрутило в водовороте. Несколько коротких секунд кораблик вращался на месте. И вот уже исчез под водой.

Безо всякой причины Джейн захотелось заплакать, уткнуться в ладони лицом и разрыдаться. Она представила свою жизнь этим бумажным корабликом. Вот он плывет по стремнине реки. Теряет ход, попадая в водоворот. И вот уже не видно ни корабля, ни ее жизни.

А эта степь, эти холмы у горизонта, похожие на огромных спящих черепах, даже не заметили такой мелкой потери, одна человеческая жизнь. Что она здесь делает? – спросила себя Джейн. Оценивает чужую собственность? Ищет чужие деньги? Стоят ли эти деньги и эта собственность ее жизни? Или ее слез?

То была одна короткая минута слабости, которая быстро прошла.

* * *

О существовании русского адвоката Джейн вспомнила, когда за неделю до начала командировки в Россию раздался звонок мобильного телефона, и она услышала в трубке приятный баритон с едва заметным акцентом.

Алекс Шатун вежливо извинился за беспокойство, предупредил, что не отнимет у Джейн больше двух-трех минут. Он сказал, что дела задержали его в Штатах, сейчас он Чикаго, приехал на день, но оглянуться не успел, как пролетели двое суток, завтра улетает обратно в Атланту. Но осталось невыполненным одно важное поручение.

– Я, собственно, по этому поводу и звоню, – сказал Шатун. – Майкл передал вам кое-что. Сказал, какую-то безделицу. Я готов выполнить поручение прямо сейчас, потому что другого времени не будет.

– Надо же... Майкл не забыл, что сегодня день нашего знакомства, – Джейн взглянула на часы, до окончания работы оставалось двадцать минут. За окном накрапывал дождь, а небо хмурилось. – Мы с ним встретились много лет назад на вечеринке. Мой покойный муж явился в компании Майкла, с ними была какая-то девица, очень красивая или очень умная. Я уже не помню. М-да... Кстати, тогда я еще не была замужем. Все еще могло сложиться иначе, но

сложилось именно так. Если бы не та девица, что пришла с Майклом... А, может, дело было во мне.

– Романтическая история, – сказал Шатун. – Черт, а меня жизнь обделила такими вот штуками. Учеба, работа. Одна ступенька наверх, вторая... Не жизнь, а график движения поездов. Кажется, что отстал от расписания, упущенного уже не наверстать. Но к делу. Я возле вашего офиса. Это через дорогу, на углу закусочная. Заказать что-нибудь?

– Возьмите кофе, – попросила Джейн. – Маленький стаканчик.

В закусочной народу оказалось совсем немного, пахло кофе и пончиками. Между столиками ходил темнокожий мужчина, он болтал всякий вздор и выпрашивал у посетителей доллар, но денег никто не давал. Шатун сидел на высоком табурете у столешницы, которая проходила от стены до стены, вдоль всего окна. Он пил кофе через трубочку и жевал пончики в сахарной пудре с вареньем внутри. Джейн присела на свободное место, взяла в руки стаканчик кофе.

– В детстве мне не хватало сладких пончиков, – Шатун просыпал сахарную пудру на темные брюки. – И еще игрушек. Мы жили бедно. Отец работал наладчиком оборудования на механическом заводе. Он стал калекой, потерял руку, в сорок лет. И с тех пор деньги в семье перестали водиться. У меня росли два младших брата. Такие дела.

Шатун достал из-под стойки бумажную сумку и протянул ее Джейн. Она вытащила на свет плюшевую белку с шикарным хвостом, розовую коробочку и прикрепленный к ней конверт с открыткой внутри. «Всегда помню тот день. Целую, люблю, Майкл». Джейн разорвала упаковку, и нашла в коробочке флакон дорогих духов, пахнувших свежестью весеннего утра. Она подумала, что привычки Майкла меняются, дело дошло до шикарных духов. Что же дальше? Или он просто разбогател. Нет, это маловероятно.

– Большое вам спасибо. И Майклу передайте благодарность за духи и эту чудесную белочку. Впрочем, я сама...

– Белочка – от меня, – сказал Шатун. – Я же знаю все про вашу дочь. Настоящий ангелочек. Приделать крылышки и полетит. Кстати, вы подумали о моем тогдашнем предложении? Ну, без лишних усилий подработать во время российской командировки? Речь идет о приличных деньгах. У вас с Майклом свадьба на носу. Наличные еще никому не мешали.

Джейн раздумывала минуту.

– У меня только два вопроса, – сказала она. – О какой работе идет речь? И о каких деньгах?

– Деталей я не знаю, – покачал головой Шатун. – Работа бумажная. Надо составить какой-то отчет или отзыв. Это по вашей специальности. Оценка имущества, взгляд независимого иностранного эксперта. А деньги... Ну, точно не знаю, но вас не обидят. Между нами: человек, которому нужен ваш отчет, он очень щедрый. Когда он нанимает меня, я бросаю все дела и лечу к нему среди ночи. Вы где остановитесь в Москве?

Темная тень сомнения легла на душу, но Джейн подумала, что деньги к свадьбе нужны, тут уж куда не денешься. Зарплата у нее не самая маленькая, но долги почему-то всегда обгоняют заработок. Джейн колебалась, она хотела ответить, что очень занята и не может размениваться ни на что кроме работы. Но тут подвалил тот черный мужчина, выполнил что-то вроде реверанса и уже хотел прослезиться, но Шатун вложил в его ладонь пару мятых банкнот и легонько подтолкнул к двери. Человек вышел на улицу и пропал за пеленой дождя. Джейн забыла все, что хотела сказать.

– Где обычно. Меня селят в съемной квартире в районе Тверской, – она назвала телефон, который помнила наизусть. – Но не знаю, будет ли свободное время... Впрочем, посмотрим. Пусть позвонит.

– Я думаю, у вас все склеится, – улыбнулся Шатун. – Фамилия моего клиента – Хабаров. Запомните? Вот и отлично.

Он взглянул на часы, вдруг заторопился и, пожелав Джейн приятной поездки, выскочил на улицу.

* * *

На темном небе появилась луна, напоминающая прожектор. Джейн встала, осмотрелась по сторонам. Бежала река, впереди равнина, залитая мертвенным светом небесного светила.

– Рахат, – крикнула она. – Рахат, где вы?

Тишина. А над этой тишиной звездная ночь, похожая на бархатный занавес с дырками, сквозь которые кто-то светит фонариком. Заросли кустов не шевелятся. Она стянула джинсы, сняла рубашку, бросила одежду на землю и вошла в воду.

Джейн знала наверняка, что Садыков, спрятавшись где-то на берегу, в этих самых кустах, наблюдает за каждым ее движением. Он долго ждал минуты, когда женщине захочется освежиться после бесконечного жаркого дня. Теперь, затаив дыхание, он лежит на горячей земле, задерживает взгляд на округлостях женских бедер, изгибе спины. Дышит тяжело, сглатывает набегающую слюну.

И черт с ним, пусть смотрит, пусть все глаза проглядит, если ничего такого в жизни не видел. Дикарь, животное...

* * *

Минуту хозяин напряженно рассматривал гостя через глазок и расспрашивал, кто пришел и зачем. Наконец упала цепочка, сдвинулась щеколда, лязгнул замок. На пороге стоял высокий мужчина профессорского вида с всосанными щеками и щеточкой седых усов. Перед тем, как впустить Радченко в квартиру, хозяин проверил его документы.

– Проходите и располагайтесь, – наконец сказал Антонов. – Если помыть руки, полью из графина. Воду дают по пятницам с семи до девяти. А если в туалет, придется снова спускаться вниз. За домом будка сортира. А если по малой нужде, мочитесь в ванную или с балкона.

Он проводил гостя в комнату, раздвинул плотные шторы на окнах и усадил Радченко в кресло. Выпирающие пружины сиденья прикрывали старые журналы.

– Всю последнюю неделю переговаривался с Москвой, последний раз вчера беседовал с вашим начальником, – сказал Антонов, устраиваясь на диване. – Все поручения выполнил, это нетрудно. Машину, документы, ружье шестнадцатого калибра, военные карты... Этого добра на черном рынке хватает. Я бы рекомендовал взять с собой проводника. Есть один человек...

– Не надо. Если что, найду на месте.

Антонов удалился, пошуровал в соседней комнате и вернулся с потертым портфелем. Сразу видно, что его хозяин знал в жизни лучшие времена: материальной независимости и достойного положения в обществе. Сергей Сергеевич выложил на журнальный столик большой плотно набитый пакет и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.